

**ПОСЛОВИЧНАЯ  
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ  
ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ  
КАРТИНЫ МИРА  
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**



ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ  
УФИМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПОСЛОВИЧНАЯ  
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ  
ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ  
КАРТИНЫ МИРА  
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

*СБОРНИК СТАТЕЙ*

Уфа  
2013



*Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»*

Редакционная коллегия:

- Ф. Г. Хисамитдинова, доктор филологических наук,  
профессор (ответственный редактор);  
М. И. Багаутдинова, кандидат филологических наук, с.н.с.;  
Г. Н. Ягафарова, кандидат филологических наук, с.н.с.

**Пословичная концептуализация отдельных фрагментов картины мира в башкирском языке: Сборник статей / Отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова, сост. Г. Н. Ягафарова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – 100 с.**

ISBN 978-5-91608-112-1

*Работа посвящена изучению отдельных фрагментов картины мира в башкирском языке через призму когнитивной лингвистики. В статьях представлены результаты исследований концептов, имеющих исключительную важность в концептосфере башкирского пословичного фонда: гостеприимство, время, труд, цвет, огонь, гора, человек.*

*Предназначается для научных работников, аспирантов, преподавателей и студентов вузов, учителей средних школ, а также всех тех, кто интересуется жизнью слова в языке.*

ISBN 978-5-91608-112-1

© Коллектив авторов, 2013

© ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013

## ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Пословицы и поговорки составляют самобытную картину мира языка, определяющую мировосприятие носителей языка. Они отражают представления народа о мире и о себе, о взаимоотношениях с другими людьми и общественные отношения. Исходя из этого, стремясь охватить разные аспекты и стороны проблемы концептуализации мира в пословицах, в данном сборнике описанию подверглись такие понятия, как *гостеприимство, время, труд, цвет, огонь, гора, человек*, представляющие собой особые понятия в структуре башкирской концептосферы. Сборник предваряет статья, посвященная истории собирания и опубликования башкирских пословиц и поговорок.

Следует признать, что специальное изучение концептуальных смыслов, заключенных в башкирских паремиях, в данном сборнике осуществляется впервые. Каждый из рассмотренных в статьях понятий-концептов описывался с различных точек зрения. Основное внимание было уделено вопросам выявления и анализа языковых средств объективации концепта, определения ключевой лексемы, построения номинативного поля концепта, анализу семантики языковых средств, входящих в номинативное поле, когнитивной интерпретации результатов описания семантики языковых средств, лингвокогнитивному моделированию структуры и содержания концепта.

Материалы публикуются в целом в авторской редакции, сохраняя особенности научного стиля и логики изложения.

## ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Ф. А. Надршина

Паремическое творчество башкирского народа составляет своеобразную область словесно-художественного искусства, представляет целую систему жанров и жанровых разновидностей. Пословицы, пословицы-приметы, поговорки, каламбурно-пословичные изречения, айтыш, благопожелания, загадки – вот далеко не полный перечень жанров паремического речетворчества, входящих в эту систему.

Центральное место среди жанров паремического творчества занимает пословица – ритмически организованное, грамматически и логически законченное мудрое, поучительное изречение, выражающее в лаконичной форме обобщенную мысль, мысль, проверенную житейским опытом, вековыми жизненными наблюдениями многих поколений. Пословицу башкиры, как и некоторые другие тюркские народы, называют «мәкәл» (термин арабского происхождения, в переводе означает «слово, сказанное к месту»). Наряду с этим термином в народе встречаются определения «боронғолар һүзе» («слово предков»), «кәрттар һүзе» («слово стариков»), «ата-бабалар һүзе» («слово отцов и дедов»), «халыҡ һүзе» («слово народное»). Неслучайно первый сборник башкирских пословиц вышел под названием «Боронғоларҙың һүҙҙәре» («Слова предков», досл. «Слова древних») [1].

В отличие от других жанров фольклора, пословицы воспроизводятся в речевом обиходе, вводятся как законченные изречения, готовые цитаты, автором которых является народ. Меткое выражение, удачное сравнение, лаконичная формула, сказанные кем-то однажды, подхватываются другими, становятся атрибутом народной речи, благодаря постоянному употреблению в аналогичных по смыслу ситуациях. Пословица – это «мудрость многих, остроумие одного (Бертран Рассел) [2: 33].

Пословицы помогают яснее выразить мысль, полнее аргументировать доводы рассказчика, собеседника, украшают

речь. Недаром народная мудрость гласит: *Йөз күрке – һакал, һүз күрке – макал* «Красота подбородка – борода, красота речи – пословица».

Близка по своей жанровой природе к пословице поговорка – айтем (эйтем). Она так же, как и пословица, припоминается к слову, свое конкретное выражение находит в контексте речи, часто употребляется в переносном значении, метко подмечает сущность предметов, явлений, дает им образную характеристику. Но поговорка в отличие от пословицы (макал) не содержит обобщающего значения, ярко выраженного дидактического смысла, а образно, в большинстве случаев иносказательно определяет предмет или явление. Например: *Бурзыкын карак урлаган* «Украденное вором мошенник похитил»; *Куян тауга үткәлаган, таузың исеңдә лә юк* «Заяц на гору обиделся, а той хоть бы что»; *Бер караһаң – терге, бер караһаң – толко* «Раз посмотришь – еж, другой раз посмотришь – лиса»; *Һин дә мулла, мин дә мулла, атка бәсәң кем һала?* «И ты мулла, и я мулла, а кто же коня накормит?» Пословицы и поговорки близки друг к другу настолько, что иногда при незначительном формальном изменении проявляют различные функции. Например, речение *Уттан (топондән) касын, якынга* «Испугавшись дыма, угодил в огонь» – поговорка (эйтем), она образно характеризует ситуацию, когда конкретный человек, о котором идет речь, оказался в неловком положении в силу своей недалекости. Изречение же «Испугавшись дыма, в огонь не угоди» является пословичным, ибо оно заключает в себе обобщенность, назидательность, в нем ярко выражен элемент автономности, а также универсальности.

Как известно, история изучения жанров включает в себя и проблемы историографии. Первые краткие сведения о пословичных изречениях тюркоязычных народов относятся к VII–VIII, XI вв. Образцы тюркского паремического творчества запечатлены еще в Орхоно-енисейских надписях [3]. Однако наиболее ценным из дошедших до нас источников, содержащих пословицы и поговорки, является «Словарь тюркских

наречий» («Дивану лугат-ит-турк») Махмуда Кашгари (XI в.). В этом знаменитом трехтомном словаре в качестве примеров к поясняемым словам приведено около 300 пословиц и поговорок, значительная часть которых находит параллели в современных тюркских языках, в том числе и в башкирском. Сопоставление их с современными материалами позволяет установить, что пословицы и поговорки, зафиксированные около 900 лет назад, не только по смыслу, но и по языковым и художественным особенностям очень близки, а в ряде случаев совершенно идентичны с пословицами, бытующими среди башкирского народа в настоящее время. Вот некоторые из них:

М. Кашгари [4]	башкирские	перевод на русский язык
Андуз болса, ат өлмәс.	Андыз булған ерҙә ат үлмәс.	Там, где растет девясил, конь не падет.
Курук йыгач эрилмәс.	Коро ағас әйелмәс.	Сухое дерево не гнется.
От түтүнсиз болмас, йигит язуксиз болмас.	Ут төтөнһөз булмаҫ, егет гонаһһыз булмаҫ.	Нет дыма без огня, нет джигита без греха.

Совершенство пословичного материала, содержащегося в «Словаре», свидетельствует о том, что эти пословицы и поговорки бытовали в живой речи задолго до того, как они были включены в книгу выдающегося ученого.

Отдельные образцы пословиц и поговорок содержатся в башкирских генеалогических родоплеменных хрониках – шежере (шәжәрә). Составители шежере нередко включали в текст остроумные выводы и наблюдения над явлениями природы, полезные советы, связанные с сельскохозяйственными работами, животноводством, и слова назидания. Так, например, в шежере башкир племени юрматы (XVI в.) мы встречаем пословицу философского плана *Донъя безгә бакый тормаҫ* [5: 31] «Жизнь не будет вечной», а в родословной башкир-минцев, составленной примерно в конце XVI - начале XVII века, пословицы: *Ғаҡыллы*

аңлар, гакылсызның бер колагиндин керуб, берсендин чыгар «Умный поймет, у неумного услышанное из одного уха войдет, из другого выйдет»; *Нәселдин белмәгән кеше бәдиһаһ алдында сүз сүзмәргә ярамас, ахурғудин хәбәр белмәгән хакимләккә ярамас* «Человеку, не знающему своей родословной, не пристало говорить речи перед надишахом, [человек] неосведомленный о будущем не может быть у власти» [5: 50-51, 52]. О наличии в шежере примет, таких как: *Ай башында аяз булһа, ай буйы аяз була* «Если в новолуние будет ясная погода, то в течение всего месяца будет ясно», *Ай кәртәләһһә, көн ионсоу була* «Если Луна окружена ореолом (световым кругом), погода будет пасмурной» упоминал и А. Н. Киреев (Кирей Мэргэн) [6: 9].

Особого внимания среди генеалогических хроник заслуживает шежере рода Мамбет племени усерган (XVIII в.), выявленное Кадимом Аралбаевым в 1966 г. в дер. Сагитово Хайбуллинского района БАССР. Среди известных по публикациям родословных шежере Мамбетова рода наиболее объемное: 112 рукописных листов форматом 22\*18 см. Характеризуя рукопись, К. А. Аралбаев пишет: «Шежере Мамбетова рода представляет собой целостное сочинение, в котором подробно описаны история рода (этническая культура, хозяйство, быт и др.) и его отношения с соседями. В тексте шежере в описании генеалогии и хроники рода органически вливаются пословицы и поговорки, песни и стихи, легенды и рассказы, меткие изречения» [7: 85]. О ценности фольклорных материалов, в плане их информативной насыщенности, достаточно ярко говорят пословицы, цитируемые автором в его статье: *Таныган ерзә – ир һыйлы, танымәган ерзә тун һыйлы* «Среди чужих – шуба в почете, среди своих – мужчина в почете»; *Илен курсыган ил агаһы булыр, илен борсоган – ил буцагаһы булыр* «Защищавшему Родину – место среди старейшин, возмущившему Родину – место у порога»; *Ере байзың иле бай* «У того страна богата, у кого земля богата» [7: 140-141] и т. д.

Таким образом, авторы родословных – своеобразных исторических памятников – оставили нам ценнейшие



произведения устного народного творчества – пословицы и приметы, оформленные согласно стилистике письменных памятников.

В XIX в. сбор и публикация произведений башкирского фольклора, в т.ч. пословиц и поговорок, связаны с именами ученых-просветителей. В первую очередь, следует отметить «Татарскую хрестоматию» преподавателя Неплюевского кадетского корпуса, коллежского советника Салихьяна Куляшпева. В этой книге, напечатанной в 1859 г. в типографии Казанского университета, наряду с татарскими пословицами помещен целый ряд пословиц, в составе которых наличествуют лексемы, характерные только для башкирского языка, на что указывал в свое время А. И. Харисов [8: 54]. В качестве примера он отметил следующие паремии: *Күн йәшигән белмаҫ, күн кызырган белер; Күренгәннең алыслығы юк, күтәргәннең ауырлығы юк; Алысдагы дошмандан аңдып йөрөгән дуст яман.*

Большой интерес к собиранию произведений устного народного творчества проявил учитель того же кадетского корпуса, один из первых ученых, вышедших из среды башкирского народа, просветитель Мирсалих Бикчурин. В его уцелевшей рукописной тетради сосредоточен сравнительно большой фольклорный материал: сказки, песни, загадки, пословицы. Некоторое количество пословиц мы находим в его книге «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана» (Казань, 1859; 2-ое изд. – 1869).

Как известно, Сергей Гаврилович Рыбаков (1867–1921) вошел в историю башкирской фольклористики прежде всего как автор книги «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта» (СПб., 1897), справедливо оцененной как первое и единственное академическое издание дореволюционного периода по музыкальному фольклору тюркских народов Урала и Приуралья: башкир, татар, тептярей и нагайбаков [9: 88]. В книге наиболее полно представлено башкирское музыкально-поэтическое творчество (свыше 100 народных мелодий), описа-

на исполнительская манера некоторых представителей народных музыкантов (свыше 20).

В фондах Ученого архива Русского географического общества (Санкт-Петербург) в числе других материалов башкирского фольклора (поверья и обычаи, сказки, солдатские песни и т.д.), собранных Рыбаковым во время поездки 1893 г. в Уфимскую и Оренбургскую губернии, хранятся и зафиксированные им башкирские пословицы и поговорки (96 единиц), загадки (40 единиц) [10]. Разнообразные по своей тематике паремии даны в русском переводе, в редких случаях (в скобках) оригинал приводится в транслитерации собирателя. Например: «Денги – вода» (*Акса су кубек*) – «Акса һыу кеүек» (здесь и далее оригиналы и примечания наши – Ф.Н.), «На нет и суда нет» (*Йокка хукил йок*) – «Юкка хөкөм күк»; «Теплое слово – душевная пицца, а грубое слово, как гвоздь, вбивается в голову» (*Якшы сюзь – ян азыгы, яман сюзь – баш казыгы*) – «Якшы һүз – йән азыгы, яман һүз – баш казыгы»; «Слава большая, а кость тощая» (*Даны зорь, кабыргасы коры*) – «Даны зур, кабыргаһы коро»; «Человек грубыми словами зазывает утопиться в бездонном море» (*Яман сюзли кши тупсиз денгизе тошерер*) – «Яман һүзле кеше төһһөз диңгезгә төшпөрөр». Иногда перевод пословиц и поговорок сопровождается пояснением: «Если дело до него останется, это все равно что несиявшее солнце», т. е. нельзя ожидать хорошего результата (*Аныга калган конь, танг атмаган тонь*) – «Аңа калган кон – таң атмаған тон».

Как известно, пословицы и поговорки относятся к трудно-переводимым жанрам. В отдельных случаях дословный перевод может привести к бессмыслице, а порою перевод оказывается практически невозможным из-за сугубой идиоматичности исходного речения. Тогда переводчики обычно дают толкование содержания паремии. Так поступил и Сергей Рыбаков при переводе поговорки «Бәләһенән баш-аяк»: «От беды укрывайся скорее, пока жив и здоров» (*Белядань баш-аяк*). Смысл, конечно, передан полностью, но потеряна лаконичность, благозвучие ре-

чения. Можно было бы сказать «От беды подальше», сопроводив русским эквивалентом «От греха подальше». Следующая поговорка в дословном переводе звучит бессмыслицей: «Для нижнего без подштанников места надо ремень» (*Штансызь кутка кайыш бау*) – «Ыштанһыз к...ә (артка) кайыш бау». Обычно это выражение употребляется в ситуации, когда кто-либо, не учитывая свои возможности, старается допустить излишество в чем-либо.

Пословица «*Ятып калганчи атыбь калъ*» – «Ятып калгансы атып кал» дана без перевода, однако сопровождается близкой по значению русской паремией: «Либо пан, либо пропал».

Имеются случаи, когда приведены лишь русские пословицы и поговорки, эквивалентные башкирским: «Не торопись, в щи попадешь» – «Ашыкма, ашка бешерһең». В башк. *аш* – суп, в рус. – *щи*. Не учтена национальная специфика реалий; «Береженого Бог бережет» – «Һаҡланғанды һаҡлармын, тигән Алла»; «Не рой другому яму – сам в нее попадешь» – «Кешегә бәз казыма – үзәң төшөрһең».

Когда фиксировал известное среди русских речение «Хоромы высокие, а приемы редки», собиратель, возможно, имел в виду башкирское: «Өйө бейек, өйрәһе шыйык» (досл. «Дом высок, суп жидок»).

При записи поговорки «За морем и за иголку корову дают» Рыбаковым не учтен характерный топоним башкирского «текста» «Ағизелдең аръяғында бер энәгә бер һыйыр» (досл. «За Агиделью [11] за одну иголку – корова»).

В целом, башкирские паремии в записях С. Г. Рыбакова узнаваемы, правда, встречаются образцы, неизвестные по другим источникам: «По одежде не суди о человеке, одеждой и дерево можно одевать», «Лошадь большая, да брюхо у нее пустое», «Что, чай хороши? – Хороши, но не перец, а свари с горсть».

По сведениям, имеющимся в труде ученого «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта», в сборе материалов башкирского фольклора ему помогали местные учителя, в частности, Батыргарей Юлуев. Перевод образцов

паремического творчества собиратель, возможно, осуществлял с их помощью.

Записанные русским ученым в конце XIX в., но оставшиеся неопубликованными до последнего времени башкирские пословицы и поговорки, с одной стороны, представляют интерес для современных исследователей как материал для изучения, с другой, – проливают свет на личность собирателя в плане его отношения к фольклору как историко-этнографическому источнику, имеющему большое познавательное значение; свидетельствуют о широте интересов исследователя. Будучи профессиональным музыковедом-фольклористом, С. Г. Рыбаков нашел возможность записывать не только песни, байты и мунажаты, нотировать их, но и фиксировать образцы других жанров башкирского устно-поэтического творчества, в том числе паремического.

При рассмотрении паремий, собранных С. Рыбаковым, мы отметили лишь характерные моменты в записи собирателя [12].

В последней четверти XIX в., являющейся переломным этапом в истории России, характеризующимся крупным подъемом освободительного движения, возрастает интерес к произведениям башкирского устного народного творчества со стороны русских ученых (Р. Игнатьев, И. Покровский). В плане нашей темы (да и вообще) обращает на себя особое внимание деятельность С. Г. Рыбакова.

Среди представителей башкирской интеллигенции, тесно связанных с русской культурой, был Мухаметсалим Уметбаев (1841–1907) – ученый, поэт-просветитель, перу которого принадлежат стихи, очерки, переводы с русского языка, фрагменты из гражданской истории, материалы о башкирском фольклоре. Часть его трудов вошла в книгу «Памятки» («Ядкар»), Казань, 1897.

Так, в 1883 г. в «Справочной книжке Уфимской губернии» он опубликовал образцы паремического творчества под названием «Приметы, поверья, поговорки и изречения магометан Уфимской губернии» в переводе на русский язык (48 единиц). Отме-

тим некоторые из них: «У кого затылок красный, тот завистник страшный»; «Кто слушает женскую ложь, тот наткнется на нож»; «Чужой не простит, а свой не убьет» и т. д. У большинства изречений перевод удачный.

Весьма интересны приметы и поверья, приведенные в «Справочной книжке». Это своего рода хозяйственный календарь сельского жителя. Например: «Август. Дева Сунбля. Летний труд вознаграждается колосьями / Сунбля – колос, метафора, цвет юности»; «Сентябрь. Мизан, весы. Время весов»; «Декабрь. Джадди, козерог. Время рез откормленной скотины (сугум). В этом месяце сильные морозы и снега предвещают теплую и дождливую погоду в июле».

В конце XX в. пословицы и приметы, опубликованные в «Справочной книжке» Уфимской губернии с добавлением архивных материалов, увидели свет в переводе на башкирский язык (65 единиц) [13: 173-178].

В 1895 г. на страницах «Известий Оренбургского отдела Императорского русского географического общества» (выпуск 6) было опубликовано 130 башкирских пословиц в оригинале и в переводе на русский язык. Это были пословицы, собранные и переведенные поэтом-просветителем Серменовской русско-башкирской школы Верхнеуральского уезда Мухаметгалимом Куватовым. Важным моментом в работе Куватова являются комментарии, которые сопровождают тексты пословиц. Эти пояснения раскрывают внутренний смысл, идею пословиц. Примечательно то, что собиратель не только комментирует народные изречения, но и указывает, когда и при каких обстоятельствах они употребляются: «*Алтындың кулда барза казере юк*» – «Когда золото в руке, то ему и почета нет». Главная мысль та, что человек, обладая прекрасным положением или большим богатством или вообще удобствами земной жизни, не ценит эти удобства. Когда вдруг настает для него черный день, тогда он про себя или другие про него употребляют эту пословицу». Есть более сжатые пояснения: «*Агай-эне һуғышыр, атка менһә, ярашыр*» – «Братья подерутся, а как сядут на коней – по-

мирятся». Это значит, что в раздоры семейные не следует кому бы то ни было вмешиваться».

И только в двух-трех случаях встречаются не совсем точные пояснения текстов. Так, например, к пословице «*Ат аунаган ерзә төк када*» – «На том месте, где лошадь валяется, всегда шерсть остается» дается такой комментарий: «Какое бы не предпринял человек дело, везде потребуются расходы». На наш взгляд, смысл этого пословичного суждения гораздо шире: какое бы действие человек не совершил, хорошее ли, плохое – всегда остается след.

Изредка наблюдаются и неточные переводы. И если Уметбаев при переводе башкирских пословиц стремился сохранить их ритм и рифму, то Куватов этого принципа почти не придерживался. Перевод народных изречений у него, в основном, смысловой. Пословицы расположены в алфавитном порядке без тематических групп.

Новым, оригинальным в работе Куватова явилось и сравнительное сопоставление башкирских пословиц с русскими пословицами. Например: «*Бер атка ике камыт кейзермайзәр*» – На одну лошадь двух хомутов не надевают. Эта пословица означает такую мысль, какую русская пословица: «Один раб двум господам не служит»; «*Әжәһез үлем юк*». Эта пословица означает ту же мысль, как русская пословица: «Прежде смерти не умереть». «*Акрын барган алыс киткән*». – «Тише едешь – дальше будешь» и т.д. Разумеется, снабжение башкирских пословиц соответствующими русскими делает их более близкими, доступными русскому читателю.

С. Кукляшев, М. Бикчурин, М. Уметбаев и М. Куватов собирали произведения фольклора, в том числе пословицы и поговорки, в целях иллюстрации к языковым явлениям или же публиковали на страницах периодической печати в просветительских целях. Не случайно ссылка на их публикации встречается в работах исследователей разных направлений (историков, этнографов, языковедов, литературоведов, фольклористов).

Собиранием народных изречений в дореволюционный период занимались и писатели: М. Акмулла, М. Гафури, Д. Юлтый, Ш. Бабич, Ф. Туйкин, З. Уммати и др. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы, встречающиеся в их произведениях. Этим писателей привлекала краткость и необыкновенная смысловая емкость пословиц. На этих пословицах они учились экономии слова, четкости мыслей, точности выражений. Однако научным исследованием и подготовкой специальных публикаций башкирских пословиц эти писатели не занимались (очевидно, такая цель ими не ставилась).

Систематическое собирание и изучение башкирского устно-поэтического народного творчества, в том числе паремических жанров, началось только в послеоктябрьский период. В 1920-е гг. в центре Малой Башкирии в г. Стерлитамаке было организовано Научное общество по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР. В связи с образованием Большой Башкирии (1922 г.) с центром в г. Уфе Общество было переведено в Уфу (с 1925 года оно реорганизовывается в «Академический центр»). В состав Общества входили такие любители-фольклористы, как Х. Габитов, Г. Вильданов, С. Мирас и др., которые печатались в популярных в то время журналах: «Башкорт аймағы», «Яңы кәл», «Сәсән».

В 1923 г. члены Общества Г. Вильданов и Х. Габитов выпустили в свет первый сборник башкирских пословиц под названием «Слова предков» («Боронголәрзың һүззәре», Өфө). В сборник вошло около 600 пословиц, написанных из уст народа. В 1924 г. в Москве Центральное издательство выпустило эту же книгу в гораздо большем объеме (1130 пословиц, использован арабский алфавит применительно к правилам новой башкирской орфографии). Сборник составлен по алфавитному принципу. В небольшом предисловии авторы определяют пословицу как «ғибрәтле һүз», т. е. «поучительное слово». Еще до опубликования сборника крупнейший филолог-башкировед профессор Н. К. Дмитриев в журнале «Книгоноша» выступил с рецензией [14]. Эту маленькую книжку башкирских пословиц Н. К. Дмит-

риев относит к высшим достижениям Центроиздата в смысле научной ценности выпускаемого материала. Автор имеет в виду лингвистико-грамматическую и историко-литературную ценность сборника. Как особую заслугу собирателей Н. К. Дмитриев отмечает непредубежденное отношение к тексту, который они издали без философских вступлений, не мудрствуя лукаво, как поступил, например, автор предисловия к «1001 киргизской поговорке». На наш взгляд, сборник примечателен еще и тем, что в нем пословицы даны в своем естественном народном звучании, в своей самобытной форме. В книге очень много оригинальных изречений, которые ныне не употребляются, но очень важны как историко-литературные памятники.

В 1930 году вышел сборник пословиц и загадок Сагита Мираса [15] в систематизации Тагира Баишева. В него вошли 1731 пословица и 708 загадок. Все пословицы распределены на восемь предметно-тематических разделов: I. Природа; II. Человек, его качества и дела; III. Общество; IV. Хозяйство и труд; V. Пословицы о женщинах; VI. О бедных, богатых и правителях; VII. Приметы; VIII. Религия, рок, поверья. Внутри каждого раздела соблюден алфавитный порядок расположения материала. Бесспорно, сам по себе этот принцип классификации удобен. Однако в сборнике этот принцип не до конца выдержан. Так, в первых четырех разделах классификация неточная, порою чисто формальная, в чем составитель и сам признается. Основная причина этого заключается не в том, что «первая половина пословицы означает одно, вторая – другое», а в не до конца последовательном понимании составителями специфики пословичного жанра, т. е. его иносказательности. Например, в разделе «Природа» зафиксирована пословица *Алыстагы кояш йылы була* «Чем дальше солнце, тем оно теплее». Смысл пословицы: чем дальше расстояние, тем сильнее люди скучают друг по другу. Ясно, что в данном случае речь идет о человеческих отношениях, а не о солнце и силе его теплоты в прямом смысле слова, и, конечно, данную пословицу следовало отнести не к разделу «Природа», а к разделу «Человек, его качества и дела».



Пословица *Һуҡыр тауяҡка бары ла бойҙай* «Слепой курице все пшеница» обычно употребляется в иносказательном значении: под слепой курицей подразумевается неразборчивый человек. Тем не менее, эта поговорка стоит в разделе «Природа».

Из каких соображений включены в раздел «Общество» пословично-поговорочные высказывания типа *Дарт бар, дарман юк* «Желание (задор) есть, сил нет»; *Тыштан ялтырай, эстан калтырай* «Снаружи блестит, внутри дрожит» (о лицемерном человеке) – неизвестно. Таких примеров много.

Значительный интерес представляет 7-ой раздел сборника. В эту группу собраны пословицы, отражающие положение женщины-башкирки в обществе, семье и быту (всего 92 пословицы). В специальном предисловии к разделу указывается на приниженное положение женщины в семье, на ее бесправие в обществе. Составитель отмечает, что почти все пословицы о женщинах создаются мужчинами, делает вывод о том, что якобы народное творчество, как и письменная литература, под воздействием служителей ислама находилось только в руках мужчин, с чем, конечно, нельзя согласиться.

Преобладающее большинство пословиц, примет и поверий, помещенных в сборнике, выражает народные воззрения, сохранило свою национальную самобытность.

Большую роль в собирании и изучении произведений башкирского фольклора сыграл организованный на базе Академического центра в 1931 г. Научно-исследовательский институт национальной культуры (с 1938 г. – научно-исследовательский институт языка и литературы им. М. Гафури). Участниками фольклорных и лингвистических экспедиций, систематически снаряжаемых Институтом в 30-е годы в различные районы Башкирии, собраны богатейшие материалы народного творчества, которые хранятся ныне в Научном архиве Уфимского научного центра РАН.

Состоявшийся в 1934 г. I Всесоюзный съезд советских писателей послужил новым серьезным толчком в собирании и публикации памятников народного творчества. Обращение

А. М. Горького с призывом собирать и изучать свой фольклор нашло широкий отклик среди писателей, ученых всех национальных республик, в том числе и среди ученых Башкирии. Не случайно директор Научно-исследовательского института поэт Габдулла Амантай в 1936 году на страницах Хайбуллинской районной газеты «Знамя борьбы» опубликовал «Краткое руководство по сбору фольклорных материалов», в котором даются конкретные указания по собиранию отдельных жанров народного творчества. «Руководство...», несомненно, оказало большую помощь национальной интеллигенции в деле собирания произведений башкирского фольклора.

В том же 1936 г. Башкирский комитет нового алфавита «Яналиф» выпустил паремиологический сборник Габдуллы Амантая, куда вошло 889 башкирских пословиц [16]. Во вступительной статье к сборнику Амантай впервые дает определение жанру, вкратце указывает на его древность, на его социально-исторические основы и классовую сущность. Имеются некоторые сведения об источниках и формах бытования пословиц. Все изречения, вошедшие в книгу, разделены на двадцать тематических групп как «Общество, классы и классовая борьба»; «Нация и национальная борьба»; «Семья и семейные отношения», «Любовь» и т. д.

Несмотря на недостатки классификации (при распределении материала часто упускается из виду переносный смысл паремий) сборник башкирских пословиц Габдуллы Амантая ценен сосредоточенным в нем богатым фактическим материалом, представляющим большой интерес для научного исследования.

В декабре 1938 г. в Москве проходило совещание секции фольклора при Союзе писателей, посвященное башкирскому устнопоэтическому народному творчеству. В своей речи известный советский фольклорист, руководитель секции Ю. М. Соколов подчеркнул важность изучения и публикации произведений башкирского народного творчества и наметил конкретные пути в этом направлении. Это совещание с участием ведущих фольклористов, несомненно, явилось важнейшим

стимулом в творческой деятельности ученых и писателей Башкирии. Если в 1938-1939 гг. работа фольклорного сектора Башкирского научно-исследовательского института шла, главным образом, по направлению сбора фольклорных материалов среди населения, то в 1940 гг. основное внимание было сконцентрировано на обработке ранее собранных материалов и издании их. В частности, в 1941 г. должен был выйти из печати сборник башкирских пословиц в объеме трех печатных листов со вступительной статьей Гайнана Амири. Но начавшаяся война с фашистской Германией помешала этому, и лишь вступительное слово к сборнику было опубликовано в 5-м номере журнала «Октябрь» [17]. В статье Г. Амири имеется ряд ценных высказываний о происхождении и бытовании пословиц.

В годы войны специальные фольклорные экспедиции не снаряжались. Большинство ученых, писателей, журналистов было мобилизовано на фронт. Среди них был и писатель-фольклорист Кирей Мэргэн (А. Н. Киреев). От бойцов и командиров Башкирской конной гвардейской дивизии им записано множество песен, частушек, юмористических рассказов, пословиц, загадок. Часть этих материалов в 1944 г. он выпустил отдельной небольшой книжкой под названием «Һуғыш фольклоры» («Военный фольклор»). Видное место в сборнике занимают пословицы. В этих военных изречениях воплощена горячая любовь советского бойца к своей Родине и ненависть к ее врагам – иноземным захватчикам. В условиях фронтовой жизни создавались новые пословицы о мужестве и храбрости, о сноровке и находчивости. Верным спутником и другом башкира-бойца был его конь. Не случайно поэтому, что большинство пословиц, помещенных в сборнике, показывает отношение воина к своему помощнику – коню: *Кавалерист батыр булһын, аты таза, матур булһын* «Пусть кавалерист будет храбрым, конь его красивым», *Аттың матурлығы башында, егеттең матурлығы түшөндө* «Красота коня – на голове, красота джигитга – на груди»; *Сэйгенәңде үзең эс, шәкәрәңде атыңа һакла* «Чаяк пей сам,

а сахар береги для коня»; *Яман ездовой аттың аркаһын тишер, алама сабельник колагын кисер* «Плохой ездовой коню спину продырявит (проколет), плохой сабельник ушко ему отрежет».

Примечателен тот факт, что многие пословицы, созданные еще в древности, в условиях военной жизни звучали актуально, служили хорошим наставлением отцов и дедов сынам Родины. Это пословицы типа *Кош һауала, ат тауза, егет яуза һынала* «Птица на небе, конь на сборищах (досл. на горе), джигит в битвах испытывается»; *Ир бар ерзә ил хур булмаҫ* «Там, где джигит, Родина не опозорится»; *Сәсэн дауза, батыр яуза таныла* «Сәсэн (сказитель-импровизатор) на состязании, герой в битве познается» и т. д. Эти мудрые народные изречения были средством воспитания бойцов и политической агитации на фронте.

В послевоенный период работа фольклорных экспедиций возобновилась. В 1946 г. научные экспедиции были направлены в Архангельский, Кармаскалинский и Гафурийский районы Башкирской АССР. Среди материалов, собранных участниками экспедиций, имеются и пословицы. Характерно, что в послевоенное время внимание ученых и любителей-фольклористов было приковано не только к произведениям традиционного, но и советского фольклора. На страницах периодической печати стали появляться теоретические статьи К. Мэргэна и А. Харисова по вопросам башкирского советского фольклора. Отметим лишь две из них, являющиеся объектом нашего изучения. Это — статьи К. Мэргэна «Современные пословицы и поговорки» [18] и А. Харисова «Колхозные пословицы» [19]. Авторы статей отмечают процесс постоянного пополнения старого пословичного фонда новыми изречениями, отображающими новую советскую действительность, новые социалистические общественные отношения. А. И. Харисов к своей статье приложил около ста колхозных пословиц, записанных им в Балтачевском районе Башкирской АССР. Эти пословицы отражают воззрения колхозного крестьянства.

Создание Башкирского филиала Академии наук СССР в 1951 году открыло новые возможности для развития всех от-

раслей башкирской науки, в том числе литературы и фольклора. За короткий срок Институтом истории, языка и литературы были выпущены научные труды по истории Башкирской АССР, этнографии, языку, литературе и фольклору. В частности, в 1954 году вышел первый том памятников Башкирского народного творчества (Башкорт халык ижады) под редакцией А. И. Харисова, с его же вступительной статьей и комментариями. Во вступительной статье дается научный анализ основным жанрам башкирского народного творчества, в том числе пословицам. Правда, рамки предисловия не позволяют полному раскрытию природы пословичного жанра, его специфики, но тем не менее составитель затрагивает важнейшие вопросы в изучении пословиц: вопрос об историчности народных изречений, об их классовой сущности, идейно-тематическом разнообразии и художественных особенностях. В текстовой части помещено 540 избранных пословиц, которые наиболее ярко выражают мировоззрение трудового народа дореволюционного времени, его стремления и думы, надежды и чаяния.

В 1955 г. в Башкнигоиздате вышел третий том краткого свода «Башкорт халык ижады» (составление, редакция, предисловие, комментарии К. Мэргэна). В предисловии, представляющем собой серьезное научное исследование, показаны пути развития башкирского советского фольклора, формы бытования различных его жанров в новых социалистических условиях, намечены задачи дальнейшего собирания и изучения произведений народного творчества. Имеются весьма интересные наблюдения по пословицам. В текстовую часть сборника включено 185 народных изречений, в число которых вошли не только те пословицы, которые созданы в советский период, но и пословицы дореволюционного времени.

Книга К. Мэргэна «Пословицы башкирского народа» («Башкорт халк мәкәлдәре»), выпущенная Башкнигоиздат в 1960 г., была самой значительной и крупной публикацией тех лет (содержит более 3000 единиц). Здесь представлена логиче-

ски обоснованная, научно-последовательная систематизация материала, распределенного в 10-ти тематических разделах: «Пословицы о Родине»; «О смелости, храбрости, трусости»; «Пословицы о дружбе и товариществе»; «О труде, знании, умении и лени»; «Об угощениях, гостеприимстве, свадьбах и празднествах»; «Назидания, нормы поведения и семейные отношения»; «Добро, зло, справедливость и несправедливость»; «Пословицы о богатстве и бедности, угнетении и классовых противоречиях». Особый раздел составляют изречения, отражающие устаревшие обычаи и пережитки прошлого в сознании людей.

Что касается текстов пословиц, они в основном сохранили свою национальную окраску и самобытность. Однако в отдельных случаях наблюдаются авторские правки народных изречений, в результате которых нарушается естественное звучание паремии. Например, замена слова «ана» на литературное «әсә» привела к снижению благозвучия пословицы: «Әсә күңеле – балала, бала күңеле – далала» вместо «Ана күңеле – балала, бала күңеле – далала».

Встречаются суждения, в которых еще недостаточна степень обобщения и поэтической выразительности: *Түктатма фонландя, бәрһен эйзә; Нефтең сәхһән әле, шунан мактанырһың.*

В предисловии даются краткие сведения о собирателях башкирских пословиц, об идейно-тематическом богатстве, художественных особенностях пословиц и поговорок.

В целом, сборник Кирея Мэргэна «Пословицы башкирского народа» представляет большой интерес своим фактическим материалом, более продуманным подходом к проблеме классификации. Отказавшись от предметной классификации, положенной в основу сборников Сагита Мирасова и Габдуллы Амантая, Кирей Мэргэн последовательно проводит идейно-тематическую группировку материала, учитывая при этом индикаторный характер большинства пословиц и поговорок.

В последующие годы продолжается кропотливая работа по выявлению, сбору и изданию произведений башкирского

фольклора, в том числе паремического творчества. В этом огромную роль сыграли фольклорные экспедиции Института истории, языка и литературы БФ АН СССР (ныне ИИЯЛ УНЦ РАН), возглавляемые А. Н. Киреевым (участники: С. А. Галин, Ф. А. Надршина, Н. Д. Шункаров, из литературоведов: К. А. Ахмедьянов, С. Г. Сафуанов, позже: А. Х. Вахитов, Н. Т. Зарипов, М. М. Сагитов). Фольклорные памятники записывались в башкирских селениях Оренбургской, Челябинской, Свердловской, Пермской, Курганской, Куйбышевской (ныне Самарская) областях, а также в разных районах Башкирской АССР. Экспедиции 60-х годов получили большой общественный резонанс: в газетах, журналах печатались материалы, по радио передавались оригинальные мелодии. Редакция газеты «Башкортостан пионеры» объявила конкурс по сбору пословиц и загадок (1960) на приз пионерской газеты (статьи и инструкция по сбору подготовлены нами). Вскоре на конкурс с различных районов республики были присланы тысячи башкирских пословиц и поговорок. Преобладающее большинство этих изречений записано учащимися из уст народа, благодаря чему сохранилось их естественное звучание. Важно было и то, что собранный материал паспортизирован, т. е. указаны место, время записей, информанты [20].

70-80-е годы ознаменовались выходом в свет 18-томного научного свода «Башкирское народное творчество» («Башкорт халык ижады»), в составе которого двумя томами были представлены и паремические жанры [21].

Том «Башкорт халык ижады: Мәкәлдәр һәм әйтемдәр» был составлен на основе архивных, опубликованных и вновь выявленных во время фольклорных экспедиций материалов. Для пополнения фонда пословиц нами была разработана специальная методика опроса записи образцов этого оригинального жанра («Пословица к слову молвится»). С первых шагов сбора паремий стало ясно, что вопросы типа «Какие пословицы и поговорки вы знаете?» будут малорезультативны. Изучение опыта отечественных ученых по сбору афористиче-

ских жанров, в частности М. А. Рыбниковой, дало положительные результаты. Об этом свидетельствует количество пословиц и поговорок, включенных в том (10595). Тематически пословичный материал расположен в томе по следующим разделам: I. Труд, трудовая деятельность. II. Общественная, социально-экономическая жизнь. III. Быт, семья и обычаи. IV. Морально-этические нормы. Язык и слово, знания. V. Философские воззрения (жизнь, смерть, судьба и т. д.). Каждый раздел имеет подразделы. Поговорки от пословиц отделены знаком «звездочки» (\*\*\*) . Особым разделом выделены приметы и поверья.

Во вступительной статье рассмотрены вопросы жанровой специфики пословиц и поговорок, исследована содержательная и художественная суть паремий. Раздел комментариев содержит варианты отдельных паремий, пояснения историко-этнографического, лингвистического характера, а также паспорта, обозначенные условными знаками. Резюме на русском языке [22].

Этот многочисленный материал обусловил необходимость его теоретического осмысления. В этой необходимости была заложена и возможность ее реализации – накопленный материал, в значительной своей части обработанный и систематизированный в отмеченном томе, лег в основу монографического исследования Ф. А. Надршиной [23].

В 90-е годы в составе 12-томного научного свода на русском языке вышел в свет том «Башкирское народное творчество: Пословицы, поговорки. Загадки. Приметы» [24]. Книга подготовлена на основе двух указанных выше томов из серии «Башкирское народное творчество» («Башкорт халык ижады»). Из этих томов были отобраны наиболее интересные тексты, которые в системном отношении в максимально приближенном виде соответствовали оригиналу. Однако нельзя не отметить, что часть своеобразных пословиц и поговорок, «не поддавшихся» переводу, остались за пределами сборника [25].

Том состоит из двух частей: часть 1 – пословицы и поговорки, приметы; часть 2 – загадки. Внутри каждой части тексты



распределены по разделам и подразделам. В необходимых случаях, чтобы облегчить читателю нахождение той или иной поговорки, в составе подразделов выделены и отмечены «звездочками» мини-группы. Любая классификация фольклорного материала, особенно паремического творчества, в определенной степени условна. Каждый принцип: алфавитный, идейно-тематический, по опорным словам – имеет свои достоинства и недостатки. Например, естественный для словарей алфавитный принцип в сборниках культурологического типа приемлем только в случае идейно-тематического указателя в конце. Нам представляется целесообразным распределение материала по идейно-тематическим группам. Такое расположение текстов позволяет получить целостную картину о житейском опыте народа, о его мировоззрении и взглядах во всем их многообразии и развитии. Аналогичный принцип классификации положен и в основу композиции тома «Пословицы и поговорки» [26] из нового свода «Башкорт халык ижады» (продолжающееся издание). В этот том, кроме пословиц и поговорок, изданных в составе 18-томного свода (1980), включены паремии, опубликованные в последующие периоды, а также материалы фольклорных экспедиций [27], записи, присланные в отдел фольклора на имя заведующего отделом проф. Сулейманова А. М. и др. (подробнее см. раздел «Источники» указанного тома: с. 535-537).

В целом, процесс накопления башкирского паремического фонда не прерывался. Положительные результаты дала работа фольклорных экспедиций ИИЯЛ УНЦ РАН последних лет (начальники отрядов: Хусаинова Г. Р., Султангареева Р. А. Участники: Гайсина Ф. Ф., Зинурова Р. Р., Хакимьянова А. М., Юлдыбаева Г. В.) и выезды Ф. А. Надршиной по сбору фольклора в Абзелиловский, Архангельский и Аургазинский районы Республики Башкортостан. В настоящее время Ф. А. Надршиной готовится к печати вторая книга X тома «Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр».

Представляют большой интерес лексикографические издания – словари пословиц, поговорок и фразеологизмов, увидев-

шие свет, начиная с последней четверти XX в. по настоящий период [28]. Эти публикации, содержащие разноязычные паремии и фразеологизмы, являются ценным источником для проведения исследований сравнительно-сопоставительного плана. В этом отношении весьма результативной представляется монография Р. Х. Хайруллиной «Фразеологическая картина мира: От мировидения к миропониманию» (Уфа, 2000). Интересна книга З. М. Раемгужиной «Языковая картина мира в башкирской фразеологии (в сопоставлении с немецким языком)» (Уфа, 1999). Наряду с фразеологизмами в указанных работах широко применяются и пословично-поговорочные высказывания.

В монографии Э. М. Созиновой «Общее и специфическое в паремиях-эквивалентах (на материале башкирского, русского и английского языков)», методологическую основу которой составляют теоретические исследования отечественных и зарубежных ученых, в рамках сравнительно-сопоставительного языкознания, культурологии и фольклористики на материале трех разноструктурных языков изучены проблемы соответствия, сходства конструкций, образов и коннотативных смыслов пословиц и поговорок, универсалии и уникалии в паремийной картине мира, показана роль паремий в описании (создании) национального мировидения на основе их идеографической классификации [29].

Представляя определенный пласт духовной культуры любого народа, пословицы и поговорки обладают важным лингвокультурологическим потенциалом. Эти слюстки народной мудрости информативно насыщены, совершенны в художественном отношении. Сегодня, когда в условиях надвигающейся глобализации, мы осознаем непреходящую ценность произведений народного творчества, сбор и изучение паремий, бережное хранение собранного приобретает особую актуальность. Появление диссертаций, статей в материалах научных конференций, периодической печати не случайно. Однако это – тема будущих исследований.

## Литература и примечания

1. Слова предков / Сост. Г. Вильданов, Х. Габитов. – М., 1924 (на башк. яз.).
2. Цит. по кн.: Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст) / Сост., редакция и предисловие Г. Л. Пермякова. – М.: Наука, 1978.
3. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1961.
4. Кашпари М. Девону лугат-ит турк. – Ташкент, 1960. Т.1. С. 117, 138, 164 (примеры даны в современной транскрипции).
5. Башкирские шежере / Сост., перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. – Уфа, 1960.
6. Мэргэн К. Башкорт халк мәхәлдәре. – Офө, 1960.
7. Аралбаев К. А. Фольклорные мотивы в шежере Мамбетова рода // Фольклористика в Советской Башкирии. – Уфа: БФАН СССР, 1974. Вып. I.
8. Харисов Ә. Башкорт халкының әзәби мираҫы. XVIII-XIX быуаттар. – Офө: Башкортостан китап нәшр., 1965.
9. Атанова Л. П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. – Уфа, 1992.
10. Архив Русского географического общества: А. 105. Разряд – 51, опись – 1, тетрадь – 3.
11. Агидель (Агизел) – р. Белая, самая большая река в Башкортостане.
12. Подробнее см.: Надршина Ф. А. Башкирские пословицы и поговорки в записях С. Г. Рыбакова // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2009. №3 (45). – С. 76-80.
13. Өмөтбаев Мөхәмәтсәлим. Йәдкәр. Шиғырҙар, публицистик язмалар, тәржемәләр, халыҡ ижады өлгөләре, тарихи-этнографик язмалар / Текстологик эштәрҙе башкарыусы, төзөүсе, баш һүз языусы, аңлатмалар биреүсе Гиниәт Кунафин, яуаплы ред. Ғайса Хөсәйенов. – Офө, 1984.
14. Дмитриев Н.К. Боронголәрҙың һүзҙәре // Книгоноша. – М., 1924. – № 41. – С. 13.

15. Халык  з би тен н м к лд р  м йомактар / Йыйыусыны – С. Мирас, системалаштырыусыны – Т. Баишев. –  ф , 1930.

16. Амантай  . Башкорт м к лд ре. –  ф : Яналиф, 1936.

17.  йнан  мири. «Башкорт м к лд ре» йыйынтыгына карата // Октябрь, 1941. – №5.

18. Кирай М рг н. Х зерге м к лд р  м  йтемд р // газ. «Кызыл Башкортостан», 1951, 11 апрель.

19. Харисов  . Колхоз м к лд ре // ж. « з би Башкортостан», 1952, № 12.

20. Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 47, Д. 32 (на конкурс прислано 63 писем. Общее число пословиц – 3300. Имеются повторы).

21. Башкирское народное творчество: Загадки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина; Отв. ред. тома – Кирай М рг н. – Уфа: Башкнигоиздат, 1979. – 352 с. (на башк.яз.); Башкирское народное творчество: Пословицы и поговорки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина; Отв. ред. Тома – Кирай М рг н. – Уфа: Башкнигоиздат, 1980. – 472 с. (на башк. яз.).

22. По материалам книги «Башкорт халык ижады: М к лд р  м  йтемд р» – «Башкирское народное творчество: Пословицы и поговорки» (Уфа, 1980) был создан «Словарь башкирских народных пословиц и поговорок – Башкорт халык м к лд ре  м  йтемд ре һ злег » ( ф , 2008) М. Х. Ахтямова (ссылка на источник имеется).

23. Надршина Ф. А. Слово народное. – Уфа: Башкнигоиздат, 1983 (на башк. яз.).

24. Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы (перевод Газима Шафикова). Загадки (перевод Александра Филиппова и Анатолия Майорова) / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина. – Уфа, 1993. – 464 с.

25. Между тем, перевод башкирских пословиц, поговорок, примет и загадок в таком количестве и качестве был осуществлен впервые. Осуществленные до этого отдельные пуб-

ликация в периодике содержат малочисленные, точнее – единичные, образцы паремического творчества башкир. Самая большая из них в переводе М. Г. Рахимкулова включает в себя 290 единиц: Башкирские пословицы // Пословицы и поговорки народов Востока / Сост. Э. Брегель. – М., 1961. – С. 107-114.

26. Башкирское народное творчество. Т. X, кн. 1-я: Пословицы и поговорки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина; Отв. ред. З. Г. Ураксин. – Уфа: Китап, 2006. – 544 с. (на башк.яз.).

27. Золотой ларец (Алтын кумта) / Сост., авт. Предисловия – Фануза Надршина. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1985 (сувенирное издание); Надршина Ф. А. Духовные сокровища (Рухи хазиналар). – Уфа, 1992. – С. 64-69; Словарь башкирского языка. В 2-х томах / Российская академия наук. Башкирский научный центр, Институт истории, языка и литературы. – М.: Рус. яз., 1993. Т. 1, II; Гарипов И. М. Башкирско-русский словарь пословиц и поговорок / Отв. ред., авт. вступ. ст. Ф. А. Надршина. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1994. – 168 с.; Башкортса-инглизсә-русса мәғәнәләш мәкәлдәр һәм әйтемдәр һүзләге – Башкирско-англо-русский словарь адекватных пословиц и поговорок – Bashkort-English-Russian Dictionary of Equivalent Proverbs and sayings / Авт.-сост. Ф. А. Надршина, Э. М. Зубаирова (Созинова). – Уфа: Китап, 2002. – 160 с.

28. Ураксин З. Г., Надршина Ф. А., Йосопов Х. Ф. Башкортса-русса фразеологик һүзлек. – Өфө: БКИ, 1973; Гарипов И. М. Указ. соч.; Өхтәмов М. Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзләге. – Өфө: Китап, 2008. – 776 с.; Надршина Ф. А. Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов. – Уфа: Китап, 2008. – 196 с.

29. Созинова Э. М. Общее и специфическое в паремиях-эквивалентах (на материале башкирского, русского и английского языков). – Уфа: Гилем, 2010. – 204 с.

## КОНЦЕПТ «ГОСТЕПРИИМСТВО» В БАШКИРСКИХ ПАРЕМИЯХ

*М. И. Багаутдинова*

В сокровищнице устнопоэтического творчества каждого народа большое место занимают пословицы и поговорки. Именно пословицы и поговорки стали истинным воплощением народной мудрости, они отражают жизнь и нравственно-эстетические устои общества, являются ярким свидетельством исторического развития этноса, в них особенно ярко проявляется мироощущение, видение мира народа.

Сегодня в лингвистической науке растет интерес к паремиологическому фонду языка, так как он представляет собой лингвокультурологическую ценность для реальной оценки и понимания природы менталитета, национального характера, традиций, обычаев, морали разных народов.

Общеизвестно, что язык – одно из средств доступа к сознанию человека. Мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода, то есть люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода. Следовательно, через язык можно познать и эксплицировать концептуальное содержание сознания. В настоящее время когнитивная лингвистика, которая выделилась как самостоятельная область современной лингвистической науки, исследует сознание на материале языка. Она также исследует концепты и когнитивные процессы, делает выводы о типах и содержании концептов в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования. Следует оговориться, что понятие «концепт» на настоящем этапе развития когнитивной лингвистики еще окончательно не определено и представлено в научной литературе множеством различных толкований. Мы придерживаемся определения концепта, предложенного В. И. Карасиком, согласно которому «концепт – это хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая ин-

формация, обладающая определенной ценностью, это переживаемая информация» [1: 166]. Если концепт – единица мышления, значение – это часть концепта как мыслительной единицы, закрепленная языковым знаком в целях коммуникации. Следовательно, языковая картина мира – это сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах.

Как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. В любой культуре имеются присущие только ей культурные значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т. п. Национальная концептосфера складывается из концептов, которые имеют общечеловеческую ценность. Именно наличие общих, универсальных концептов обеспечивает коммуникацию между народами. Как было упомянуто выше, каждый язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира. Восприятие мира зависит от культурно-национальных особенностей носителей определенного языка. Каждое слово, каждое выражение имеет свою национальную действительность, свойственную только данному народу. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении различных слов и выражений языка, складывается в некую единую систему взглядов и установок, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими на данном языке. Хотя в пословицах и поговорках запечатлены национальные особенности каждого народа, в то же время в них ярко отражено то общее, что сближает народы. Лингвокультурологическое изучение пословиц и поговорок, в частности, башкирского языка, позволит выявить особенности мировосприятия и менталитета его носителей, исследовать отдельные фрагменты национальной языковой картины мира, жизнь, мировоззрение, деятельность башкирского народа.

Исследование культурно-языкового сознания башкир приводит к выводу о том, что нравственность является доминирую-

пей в иерархии ценностей башкирского народа и проявляется через отношение к человеку и окружающему миру. В пословицах и поговорках о нравственности осмысляются следующие человеческие качества: доброта, радушие, щедрость, хлебосольство, гостеприимство и др. Среди них особо выделяется гостеприимство как древнейшая, самая яркая из характерных ментальных черт башкирского народа. Существует такая легенда: когда-то Всевышний раздавал земли народам, и все пошли за землей к нему. И башкир выпел с ними. Но в этот момент неожиданно прибыл гость, и не мог он отказать ему в приеме. Накормил, напоил гостя, угостил бишбармаком, кумысом, вяленым казылык и многим другим, что обычно держали в запасе для гостей. Гость уехал на следующий день. Только тогда башкир отправился к Всевышнему за обещанной землей. Бог очень сильно разгневался и сказал: «Все земли я раздал, тебе не осталось ни пяди земли». А башкир, собрав всю свою смелость, скромно сказал: «О Всевышний! Я тоже прибыл бы вчера без опоздания, но пришлось принять гостя божьего, не мог я ему отказать». Услышав это, Всевышний немного подумал и сказал: «Ладно, раз ты такой гостеприимный, добродушный, не могу я тебя оставить без земли. Отдам тебе землю, оставленную себе». И подарил бог райский уголок, на которой живут сейчас башкиры. Поэтому эта земля, принадлежащая самому Всевышнему, красива, богата, а люди остались по-прежнему такими же гостеприимными. О гостеприимстве башкир как отличительном свойстве их национальной души писали практически все путешественники, побывавшие в XVIII–XIX вв. в аулах и на летовках. Эта черта характера башкир отмечалась в российском этнологическом справочнике [2: 117], вышедшем в 1880 году: «Башкиры очень гостеприимны и потчуют своими национальными яствами всякого гостя без разбора, к какой бы народности он не принадлежал и какого бы звания и сана не был». После поездки по Бурзянской волости в начале 60-х гг. XIX в. А. Игнатович писал: «Гость у бурзянца есть священная особа: для любимого и почетного гостя бурзянец не пожалеет зарезать лучшего и хотя бы последнего барана или жеребенка» [3: 49]. О радушном



приеме жителями д. Ташбулатово (Абзелиловский район) вспоминал итальянец С. Соммье» [4: 30-31]. Можно привести очень много примеров, но ограничимся этими, поскольку все исследователи края, ученые, писатели XVIII–XIX вв., которые на своем собственном опыте могли судить о щедрости и радушии башкир, отмечали гостеприимство основной чертой характера башкир.

В связи с этим в данной работе попытаемся проанализировать концепт «кунаксыллык» 'гостеприимство' в башкирской пословичной картине мира, который, являясь важным и многоаспектным понятием башкирской концептосферы, исследованию в когнитивном плане пока не подвергался.

Основной единицей пословичной картины мира является пословица. В ней можно выделить основные фрагменты, соотнесенные с базовыми универсальными категориями, определяющими восприятие человеком мира и себя в мире; в пословичной картине мира проявляется менталитет народа, который можно назвать пословичным менталитетом. Он складывается из устойчивых, глубинных черт народного менталитета. Пословицы, как известно, вводимые в речь как готовые цитаты, в силу своей образности, лаконичности, помогают яснее выразить мысль, полнее аргументировать доводы, украшают речь, делают ее живой, выразительной и меткой. Выразительность паремий обеспечивается и за счет множественных национально-культурных коннотаций, аксиологической маркированности, рифмы и ритма. Основное направление исследований пословичной картины мира состоит в реконструкции пословичных концептов, прототипов и когнитивных структур, соотнесенных с группами пословиц. Рассматривая пословичный фонд башкир, мы прослеживаем «изображение» картины мира и образа мира сквозь призму пословиц данного народа, выявляя особенности материальной и духовной культуры, связь пословиц с историей народа.

В башкирском языке содержится достаточно большое количество паремий о гостеприимстве. В томе «Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки» [5] пословичный

материал башкирского языка расположен по следующим разделам: 1. Труд, трудовая деятельность. 2. Общественная и социально-экономическая жизнь. 3. Быт, семья, обычаи. 4. Морально-этические нормы. Язык и слово. Знания. 5. Мировоззрение народа (жизнь, смерть, судьба и пр.). Интересующая нас группа пословиц о гостеприимстве, включающая 92 единицы, приведена в группе «Быт, семья, обычаи» в подразделе «Угощение, гостеприимство, праздники».

Гостеприимство – положительное, нравственное качество человека, заключающееся в ценностной ментальной установке на благородство, радушие, щедрость. Следовательно, гостеприимство – это категория межличностного поведения, которая действует на уровне отношений людей и только через отношения людей становится общественным явлением. Подчеркнем также, что понятийное функционирование концепта «гостеприимство» в башкирской лингвокультуре затрагивает как общие признаковые составляющие, так и национально-специфичные.

Чаще всего под словом «гостеприимство» понимают радушие; готовность, желание принимать гостей [6]; сердечное, ласковое отношение, с готовностью чем-нибудь услужить гостям [7]; гостеприимность, особый вид радушия, хлебосольство хозяев при приеме гостей (по Википедии); радушие в приеме и угощении посетителей; безвозмездный прием и угощение странников» [8]. На наш взгляд, самое развернутое определение «гостеприимства» будет таким: «гостеприимство» – это радушие по отношению к гостям, любезный прием гостей, кем бы они ни были и в какое бы время не пришли. Это – щедрость души человека, сочетание благородства, щедрости и уважения к людям.

Концепт «гостеприимство» представляет собой многоуровневую систему многих когнитивных признаков, которые, входя в состав различных понятий, упорядоченных по полемому принципу, формируют несколько когнитивных слоев.

Центр концепта «гостеприимство» в сознании носителя языка представлен специфическим когнитивным образованием, включающим в себя, с одной стороны, некую «мыслительную

картинку» гостя, или «представление», являющееся сугубо индивидуальным для каждого человека, а с другой стороны, – осознание, представление самого себя как субъекта действия или процесса «оказывать гостеприимство». Таким образом, вероятно, центр исследуемого концепта в сознании носителя языка помимо когнитивной структуры в виде представления, объективируемого ключевой лексемой «гость», включает и некую абстрактную нелексикализованную категорию «я» как субъект гостеприимства». Причем, концепт «гостеприимство» может проявляться не только в деятельностном, жизненном, но и в иных планах (духовном, эмоциональном и т. д.). Как отмечает Ю. С. Степанов, «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций...» [9: 41].

Базовый слой концепта включает следующие когнитивные секторы: «гость, гостить»; «гостеприимность, радушие, хлебосольность»; «долг и обязанность»; «угощение, быт, пища»; в ближней периферии концепта расположены когнитивные секторы «прием гостей»; «угощение»; «конкретный субъект гостеприимства». Соответственно к средствам языковой объективации концепта «гостеприимство» в башкирских поговорках относятся слова *кунак, кунаксыл, хужа, табын, аш-һыу, һый-хөрмәт*. Последние, хотя и не находят отражения в дефинициях в словарных источниках, тем не менее, вполне очевидным образом присутствуют в структуре исследуемого концепта.

Концепт «гостеприимство» в системе языка может эксплицитно проявляться следующим образом: 1) гостеприимство как процесс, включающий прием, угощение, развлечение гостей и 2) гостеприимство как «собирательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов и понятий различного типа» [10: 123], обозначающих радушие, хлебосольство, приверженность традициям, тины еды и питья, так как такое имя представляет собой знаковое образование, фиксирующее концепт не только как когнитивную структуру, но и как «стусок культуры» [9].

Если учесть то, что в повседневной жизни человек сталкивается с различными аспектами понятия «гостеприимство», акту-

альность для него в конкретный момент времени может приобретать не один, а целая совокупность таких аспектов. Так, оценивая те или иные детали предстоящего или уже имеющего место процесса приема гостей (или оказания гостеприимства), человек прогнозирует прежде всего свои собственные действия в этом процессе. Например, определение места (комнаты) для гостя, организация санитарно-гигиенических условий (возможность принятия душа, ванны или приготовление бани), угощение, организация досуга гостя, прогнозирование временных и прочих затрат, составление сценария действий в самом процессе оказания гостеприимства и т. п. В повседневной действительности подобное прогнозирование делается на уровне подсознания. Но от перечисленных факторов зависят такие важные элементы, как доброта, радушие, щедрость, терпимость, скромность, стыд, быт, пища и т. д.

Институт гостеприимства существовал в очень сходной форме у самых разных народов мира. Поразительные совпадения в ритуале приема гостя у народов, удаленных друг от друга во времени и пространстве, конечно, не могут быть случайными, они свидетельствуют об устойчивости неких глубинных структур ритуала, его семантических мотиваций. К примеру, в основе гостеприимства как у мусульман, так и у христиан лежит религиозное требование, а не только симпатия к ближнему или социальный этикет. По представлениям башкир и русских, кормят человека боги. Поэтому есть, не делясь с присутствующим, и вообще не кормить его – «трех», который может лишиться благоволения богов-кормильцев. Согласно башкирской пословице, имеющей многочисленные параллели у других народов, *Кунак – Хозай бәндәһе* «Гость – Божий человек» (ср. рус. «Гость — посланник Бога»). Все народы думали, что Бог в человеческом облике ходит по земле. В этом, видимо, заключается идеологический фон гостеприимства.

Для башкир гостеприимство – это прежде всего проявление доброты, открытости, веры, щедрости, оно является одним из важных нравственных качеств человека, присущих добродетелям. В хадисах величайшего исламского богослова IX столетия

Аль-Бухари конкретизируется это положение: «...принять гостя – непреложная обязанность каждого мусульманина, что же касается оказавшегося во дворе его дома утром, то он для хозяина дома подобен долгу, и если гость захочет, то может потребовать выплаты этого долга, а если нет, то он может отказаться от него. К числу правил гостеприимства, которые необходимо соблюдать хозяину, относятся проявление радости при виде гостя, ведение с ним приятной беседы и старание сразу же угостить его тем, что он имеет. Накормить гостя – это обязанность хозяина, так он оказывает честь гостю (слово «потчевать» родственно с «честь») и обозначает, собственно, «оказывать честь, угощая едой и питьем») и в то же время утверждает свою честь демонстрацией щедрости».

Ритуал гостеприимства можно представить как диалог двух сторон, вступающих в общение. И хозяин, и гость подчиняются достаточно жесткому этикетному сценарию, который связывает, ограничивает их действия и в то же время позволяет достигнуть определенных целей: хозяину – достойно принять гостя, заслужив тем самым почет, уважение окружающих, гостю – получить пищу, приют и поддержку. Тактика поведения гостя и хозяина соотнесены и предопределяют друг друга, причем они могут строиться по-разному в зависимости от ряда обстоятельств. *Һәр кешелә бер газәт, һәр кунактың үз көйнә* «У каждого гостя свои причуды» говорят в народе. Но гость должен вести себя спокойно, взвешенно, знать несколько важных правил приличия. Например, есть то, что дают, не быть привередливым, не вмешиваться в семейные дела хозяев и т. п. В наиболее общем случае гость должен вести себя достаточно пассивно: принимать угощение и подарки, знаки внимания, но не проявлять существенной инициативы. *Кунак булһаң, тыйнак бул* «Если ты гость, то будь скромным»; *Ас тор, тыныс тор, хужаны яфалама, Аслай казан астырма, һыуыкта ут яктырма* «Хоть голодный, хоть сытый, людей не мучай»; *Үз кәзеренде үзең бел, Үз саманды үзең бел* «Знай, что ты в гостях» – это советы гостю. А хозяевам приходится терпеть: *Бер кискә кер мейескә* «На одну ночь – полезешь и в печь».

Башкирский народ издавна видел в гостеприимстве надежное средство, позволяющее установить дружеские, теплые, чисто человеческие отношения с окружающими. У башкир существовали особые правила отношения к путнику, гостю, свой ритуал гостеприимства. Издавна повелось встречать гостя радушно, селить гостя в самой лучшей комнате, стелить ему самую мягкую постель, угощать лучшей едой. И действительно, гостя башкиры встречали с земным поклоном, тепло, дружелюбно, относились к нему с особым почетом и уважением. Кем бы и каким бы ни был гость, всех принимают одинаково тепло: *Кунак төшһә, йортка йәм* «Хороший гость – дому радость»; *Котло кунак өйгә килһә, куйың игез бәрәнләр* «Добрый гость всегда вшору». Гостей принимать будут рады, лишь бы не было беды: *Кунак килһен, каза килмәһен* «Пусть приходит гость – лишь бы не пришла беда». Традиционным элементом гостеприимства считается то, что хозяин встречает гостей перед входом в дом. Когда в гости приходили с детьми, с собакой, на лошадях, хозяева ухаживали не только за гостем, но и за детьми, конем, собакой гостя. Об этом следующие пословицы: *Балалы кунак килһә, балаһын кара, балаһыз килһә, үзен кара* «Если пришел гость с ребенком, то ухаживай за ребенком, если пришел один – ухаживай за ним», *Балалы кунак – бәллә кунак* «Гость с ребенком – гость в тягость», *Атлы кунак – атлы каза, ийгәүле кунак – ярты каза* «Конный гость – беда с конем, пеший гость – половина беды», *Атлы кунак һыйлаһаң, атын да кара* «Угощая конного гостя, накорми и его коня», *Кунактың аты ла кунак* «У гостя и лошадь – гостя», *Хужаһы хақына этен дә һыйлайзар* «В честь гостя угостят и его собаку».

Поскольку гостеприимство башкиры понимали как долг, обязанность, старались сделать для гостя все, что могут. В таких случаях говорили: *Кунак һорамай таптыра* «Гость во двор, что есть поставь на стол», *Башыңа төшһә – башмаксы булырһың* «Нужда всему научит», башкирские пословицы *Кунак килһә, таптыра, өй түбәһен яқтыра, Кунак килһә, таптырыр, ат урынына саптырыр, Кунак һоран ашамай, һайлап ашай* в переводе эквивалентны русской пословице «Гость не кость – за дверь не выки-

нешь». Есть и такие: *Һоран бирмә кунагыңа, һойоп бир* «Не спрашивай у гостя, хочет он есть или нет», «Не спрашивая давай, а любя – отдай». Заметим, ухаживая за гостем, даже важным, башкир никогда не снисходит до низкопоклонства, заискивания и т. д., неизменно сохраняет свое достоинство и держит себя независимо.

Совместная трапеза является сердцевиной и средоточием ритуала гостеприимства: *Аштың бәрәкәте кунак менән* «Трапеза ценна гостями». Утощали самым лучшим, что было в доме. Однако превыше утощения ставилось радушие, приветливое отношение: *Кунак һыйы – якты йөз, тамле һүз, унан кала – икмәк-тоз* «Сначала – приветливость, затем – хлеб-соль», *Асык йөз – һый өстөнә һый* «Приветливость есть само утощение», *Якты йөзәм, тамле сәйем – шул инде минең һыйым* «Улыбка да чай – благо для гостя». «Гостеприимство – это не только щедрость в материальном, но и щедрость души человека», – говорят восточные мудрецы. Об этом башкирские пословицы и поговорки: *Өйөң тар булһа ла, күңелең киң булһын, Өйө тар булһа ла күңеле киң* «В доме тесно, а душа широка»; *«Кил» тимәк бар, «кайт» тимәк юк* «Можно позвать, нельзя «уйди» сказать», *Доңъяла якшы кешеләр күп ул* «В мире много хороших людей», *Изгелек ерҙә ятып калмаҫ* «Доброта не останется на земле»; *Йомарт йорттоң ысагында көлө күп булыр* «У щедрого хозяина много золы в печи»; *Йомарт кешенең күңеле даръя* «У щедрого душа широка», *Йомарт хулға мал керер, Ашаған менән мал бөтмәй* «Рука дающего не оскудеет»; *Кешегә ни кылһаң, алдыңа шул килер, Үз кылғаның үзеңә кайта* соотв. «Относись к другому так, как бы ты хотел, чтобы он относился к тебе», *Кунаксыл кешенең өйө буш булмаҫ* «У гостеприимного хозяина дом всегда полон гостей». У русских старики любят говорить: «Куда не приходит гость, туда не приходит и благодать».

Из пословиц об утощениях можно судить об ассортименте блюд и напитков, подаваемых гостям в башкирской семье: *Көз килгән кунакка – ат казыһы, яҙ килгән кунакка – карта ярыһы* «Гостю, пришедшему осенью – казылык, пришедшему весной – дырка толстой кишки лошади», *Кайҙа коймак – шунда кунак* «Где

блины – там гости», *Мәжлес йәме кунак менән, табын йәме коймак менән* «Краса застоля – гости, краса трапезы – блины», *Ишек алдында һыйырың булһа, оҫтал оҫтәндә һыйың булыр, һыйыры барзың һыйы бар* «У кого корова – у того есть угощение». Таким образом, в выборе продуктов, способах приготовления ритуальных и праздничных блюд и этикете гостевых трапез у башкир обнаруживается тесная связь с глубинными пластами скотоводческой культуры. Гостей угощают напитками буза (буза), бал балы (медовуха): *Тәһән булһа, кунактың күңеле үсер* «Если есть бочонок, у гостей поднимется настроение». Из сладостей гостей угощали (и сегодня угощают) известным бортевым медом: *Өй артында корто барзың өй эсендә кото бар* «У кого есть пчелы, у того в доме есть и угощение». В пословице *Кайын йәме туз менән, икмәк таме туз менән* «Красота березы – в бересте, вкус хлеба – в соли» сохранилась память о том времени, когда соль была довольно дорогим продуктом, ее использовали только по особым случаям; поэтому соль стала одной из мер гостеприимства (даже при царском дворе солонки на столе стояли ближе к царю и важным гостям). Необходимо подчеркнуть, что в сознании людей прочно укрепилась мысль о том, что добрый человек всегда поделится своим хлебом с тем, кто оказался в беде, а радушный хозяин предложит гостям и кров, и пищу. Было (и сейчас остается) очень важным уметь делиться с людьми не только и не столько кровом, сколько своим достатком, символом которого и был хлеб.

У гостя нельзя было спрашивать, сколько времени он собирается гостить. Но гость сам должен соблюдать правила приличия, которые заключаются в том, чтобы не стеснять и не тревожить хозяина. Стеснить же хозяина он может в том случае, если задержится у него более чем на три дня: *Кунактың көнө өс, унан һуң йорт эйһенә көс, Кунактың кәзере өс көн, өс көндән һуң өйөңә ыскын, Кунак кәзере өс көн, дүртенсеге – үз башыңа, Өс көн кунак бул, өс көндән һуң йырак бул* «Гость в первый день – золото, на другой – олово». Это соотносится с хадисом «Лучшие угощения и гостеприимство – три дня. После этого – уже проявление милости». Нельзя также сразу спрашивать гостя о цели визита – о ней узнают постепенно, во время трапезы и беседы.



Хозяину полагалось кормить гостя лучшим, что есть в доме, а хозяйка старалась готовить быстро и вкусно. В коротком тексте пословицы всегда заключена народная мудрость и назидающие будущим поколениям. Иногда несколько пословиц содержат один и тот же вывод. К примеру, о хорошей хозяйке говорили: *Булдыкы булмаганды булдырыр* «Деловой человек из ничего сделает все что надо», *Уцган кеше бацкан ерендә ут сыгара* «Способный зажжет огонь на том месте, где стоит», *Булырайзың ивәтән, булмастайзың һүзенән (билгеле)* «Способного можно узнать по лицу, неспособного – по словам», *Егәрленәк кулы ете* «У трудолюбивого семь рук», *Уцган катын кар өстөндә қазан қайната* «Способная хозяйка и на снегу готовит», *Катын кеше қамыр менән қартай* «Женщина стареет с тестом», *Уцган қилеп һалмаһынан билгеле* «Хорошую сноху узнают по лапше», *Катын уңанын усақтан, ир уңанын бысақтан белләр* «Хорошую хозяйку узнают по очагу, хорошего хозяина – по ножу». О нерасторопной, плохой хозяйке говорили: *Ашатмастың ашы бешмәс* «Кто не хочет кормить, у того огонь не горит», *Уңмагандың уты янмәс* «У нерасторопной не горит огонь», *Яман катын ирен кеше алдында хур итер* «Плохая хозяйка опозорит мужа перед людьми», *Яман катын иренән яңғыз атын һуизырыр* «Плохая хозяйка заставит мужа зарезать единственную лошадь», *Яман катын үзе лә кон күрмәс, иренә лә кон күрһәтмәс* «Плохая жена сведет мужа с ума».

Таким образом, концепт «гостеприимство», как уже было сказано выше, в лингвистическом плане является одним из наименее изученных. Являясь фрагментом языковой картины мира, концепт «гостеприимство» представляет собой сложное, многослойное ментальное образование, имеющее высокую значимость для башкирской культуры, так как выражает универсальные и специфические аспекты формирования социокультурной сферы человеческого бытия, поэтому находит языковое выражение в многочисленных пословицах и поговорках – средствах репрезентации культуры гостеприимства.

## Литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – С. 166-205.
2. Народы России: Этнографические очерки. – СПб., 1880. – С. 117.
3. Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Архив исторических и практических сведений. Кн. 5. – СПб., 1863. – С. 49.
4. Соммье С. О башкирах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XIII. Вып. I. Екатеринбург, 1891–1892. – С. 30-31.
5. Надршина Ф. А. Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. – 472 с.
6. Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка в 3-х томах. – М.: Изд.: АСТ, Астрель, Харвест. -2006.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Сиб., 1863-1866.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 123.
11. Академический словарь башкирского языка. / под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. В 10 томах. Т. I: (Буква А). – Уфа: Китап, 2011. – 432 с.; Т. II: (Буква Б). - Уфа: Китап, 2011. – 586 с.; Т. III: (Буквы В-И). – Уфа: Китап, 2012. – 864 с.; Т. IV: (Буквы Й-К). – Уфа: Китап, 2012. – 943 с.; Т. V: (Буква К). - Уфа: Китап, 2013. – 888 с.

## ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ВРЕМЯ» В БАШКИРСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

З. М. Дударева

Исследование национально-культурной специфики языкового сознания представителей различных этносов издавна привлекает внимание лингвистов. Интерес к данной проблеме обусловлен тем, что отображение в сознании человека явлений реальной действительности, воспринимаемых им в процессе деятельности и общения, фиксирует лишь наиболее существенные для данного этнического коллектива причинные, пространственные и временные связи явлений и предметов. Соответственно, образ мира, запечатленный сознанием и выраженный языковыми средствами, меняется от одной культуры к другой. Из этого положения следует, что исследование сознания человека, зафиксированного посредством языка, может помочь раскрыть особенности образа мира, присущего тому или иному этносу.

Интерес к выявлению национально-своеобразных черт различных языков вполне оправдан, так как язык считается «основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса» [8: 34], а пословицы и поговорки, отражающие жизнь народа во всем его многообразии, являются наиболее яркими и семантически емкими деталями, из которых складывается национальная языковая картина мира.

Концептосфера «Время» как глобальная ментальная единица рассматривалась нами ранее в сопоставительном (контрастивном) аспекте [2].

В данной работе наше внимание привлекли пословицы и поговорки, репрезентирующие указанную концептосферу в башкирском языке.

Ярким свидетельством отражения в сознании человека представления о цикличном характере времени, о завершенности цикла, о повторяемости цикла, которое было характерно для всех народов мира, является концепт *йыл* (год). Универсальность этого представления связана, прежде всего, с

тем, что оно имеет «внеязыковые, внепсихологические, внечеловеческие основания, так как связано с природой, с деятельностью солнца».

Рассматриваемый концепт в башкирском языке включает в свою структуру понятие *йыл мосале*, обозначающее летосчисление по двенадцатилетнему животному циклу: *сыскан йылы* «год мыши», *һыйыр йылы* «год коровы», *барс йылы* «год барса», *куян йылы* «год зайца», *аждаһа йылы* (другое название *лыу йылы*) «год дракона», *йылан йылы* «год змеи», *йылкы йылы* «год лошади», *куй йылы* «год овцы», *маймыл йылы* «год обезьяны», *тауык йылы* «год курицы», *эт йылы* «год собаки», *дуңғыз йылы* «год свиньи».

С некоторыми из этих обозначений и связаны в башкирском языке пословицы, поговорки, а также результаты наблюдений над явлениями природы, запечатлевшие богатый опыт народа. Так, о втором годе по двенадцатилетнему животному циклу — годе коровы — башкиры говорили: *Һыйыр йылы йот йылы һанала*, *йыл насар килә*. Говоря о следующем годе, — годе барса — башкиры советовали: *Барыс йылында барын сәс, һис булмаһа, тары сәс*. Год зайца — *куян йылы* — по народным приметам считался голодным в отличие от года мыши: *Сыскан йылы туклык, куян йылы йотлок булыр*.

Пословицы и поговорки нередко включают в свой состав лексику с временным значением, которая в современном башкирском языке характеризуется как разговорная или диалектная.

Так, понятие «будущий год» может передаваться в башкирском языке синонимичными словосочетаниями *алдагы йыл* (букв. «впереди стоящий или предстоящий») и *киләһе йыл* «следующий год, наступающий год», а в башкирском разговорном языке имеется и другая единица — *йәрин*. Производное от этой формы наречие *йәрингә* «на будущий год» зафиксировано в башкирско-русском словаре с той же пометой «разг.». В том же значении наречие *йәрингә* отмечено в Диалектологическом словаре башкирского языка как элемент, присущий лексике северо-западных диалектов.

Обе эти формы — *йәрин* и *йәрингә* — можно встретить в высказываниях, имеющих назидательный смысл: *Быйылдың*

*йарине бар* (букв. «у текущего года есть будущий год»), что соответствует русской поговорке *не откладывая на завтра то, что можешь сделать сегодня*.

Обратим внимание на то обстоятельство, что в башкирском языке речь идет о промежутке длиной в год, тогда как русская паремиология репрезентирует указанный смысл понятием «день». Нам представляется, что подобное «разногласие» можно объяснить, обратившись к понятию «темп жизни».

Размышляя о понятиях пространства и времени в контексте исторической психологии, С. Н. Полтораки отмечает, что «на формирование человека, в том числе в разные другие времена, влияло не просто многообразие жизни, а иное качество этого многообразия, из которого следует выделить особо *темп* жизни...» [4: 3]. При этом под темпом жизни автор подразумевает и темп мысли, и темп действия.

Рассматривая культурный и ментальный архетип башкирского народа, З. Я. Рахматуллина указывает, что «размеренное и умиротворенное (выделено нами — З.Д.) бытие в самом центре природы, вдали от торговых караванных путей, от той суетной городской культуры, в которой конкуренция и погоня за прибылью требуют изощренного искусства торгашества, рассудочности и рационализма, обусловили не только своеобразный образ мысли башкирского народа, но и специфику его национальной психологии» [6: 182].

Таким образом, «размеренное и умиротворенное бытие» не могло не сказаться на «темпе жизни» башкирского народа, на оценке тех или иных отрезков времени. При замедленном темпе жизни малые временные отрезки становятся менее значимыми.

В качестве доказательства приведем еще один пример. Термин *йыл* (год) входит в стандартную фразу, встречающуюся в башкирских народных сказках: *йыл үсәһән ай үскән, ай үсәһән көн үскән* (букв. «за месяц он рос, как за год, а за день — как за месяц»). В русском языке это значение передается выражением *расти не по дням, а по часам*.

И вновь мы отмечаем увеличение обозначаемого временно-го промежутка в башкирской фразе, связанное, по-видимому, с

тем обстоятельством, что при присущем ему «темпе жизни» башкир не мог видеть явных изменений в такой короткой промежутке времени, как час.

Если в русском выражении мы наблюдаем оппозицию *день — час*, символизирующую противопоставление длительных и коротких промежутков времени, то башкирская триада *год — месяц — день* относит последнюю единицу именно к системе коротких промежутков.

Несомненно, что восприятие времени первоначально было конкретным и предметно чувственным, а потому так называемое природное время, отраженное в названиях времен года и частей суток, не могло не отразиться в наблюдениях башкирского народа. Н. И. Толстой, говоря о циклическом представлении времени, подчеркивал его универсальность, поскольку оно связано с природой. Однако при этом он замечал, что если замкнутый годовой круг и круг суточный тоже представляют исключительно природное явление, то «деление этих кругов на отрезки времени, на периоды — дело ума, восприятия и опыта человеческого» [7: 17].

В этом случае естественно предполагать, что каждая культура будет отличаться своеобразием в обозначении природных циклов, которое, в свою очередь, определяется особенностями жизни и быта народов.

Г. В. Звездова уточняет, что «время... существовало синкретно с явлением действительности как атрибут природных ритмов, циклов и чередований» [3: 233].

Вышесказанное позволяет вычленив внутри отдельной культуры и языка народный календарь, который в отношении, например, русского человека может быть охарактеризован как аграрный.

Жизнь же башкир издавна была связана с полукочевым скотоводством, что наложило свой отпечаток на лексику, связанную с обозначением времен года.

Зиму они проводили в одном месте, тем более, что до середины XIX века для башкирских поселений была характерна складывающаяся стихийно «кучевая» планировка, при которой, как отмечают историки, «жилища первых поселенцев распола-

гались в ряд у подножия холма или вдоль опушки леса, выдвинувшиеся впоследствии сыновья старались поселиться поблизости от отчего дома. Таким образом собирались кучные группы жилищ с сообщающимися дворами» [1: 113].

Общались зимой, в основном, с жителями своего аула, по большей части, с родственниками и даже «осенне-зимние празднества, как указывают исследователи, по сравнению с весенне-летними в меньшей степени имели общественный характер» [1: 208].

Совершенно изменялась жизнь башкира с наступлением весны и появлением молодой травы. После долгой и подчас голодной зимы весна предвещала начало относительно сытого периода жизни башкир. Однако, пока скотина не перешла на подножный корм, до появления зелени башкиры испытывали очень тяжелое время, поскольку зимние запасы к этому времени истощались. Поэтому они говорили: «Ала карза аласагың булһын». Смысл этого выражения заключается в том, что неплохо иметь должника, который вернет тебе долг в самом начале весны, поскольку *ала кар* (букв. «пестрый снег») – это время, когда на поверхности почвы заснеженные участки перемежались с уже открытыми.

Осень тоже в представлении башкир не была неким однородным фенологическим сезоном. Это было время окончания летнего кочевого периода, и потому осень так же, как и весна, имела в своем течении определенные моменты, важные для башкира-кочевника и потому зафиксированные в языке.

Выделим прежде всего два наименования. Ранний период осени, связанный с началом пожелтения листьев, получил производное от прилагательного *һары* (желтый) название *һарыса*. Однако время окончания летнего периода кочевья связывалось прежде всего с термином *караса* (от прилагательного *кара* – черный). Этим словом назывался период осенних холодов до выпадения снега. Это был один самых тяжелых периодов, и именно с наступлением таких холодов связывали башкиры наступление настоящей осени, что отразилось в выражении: «*Караса килмэй көз булмаҫ*» (букв. «пока не придет время сильных холодов, осень не наступит»). Прогновостное противопоставление вес-

ны и осени в башкирских пословицах и поговорках связано, прежде всего, с темой еды, угощения. К осени сделаны запасы, которые весной сходят на нет. Поэтому говорится: «*Коз килгән кунакка — ат казыны, яз килгән кунакка — карта ярыны*» (букв. «гостю, пришедшему осенью, — конская колбаса, гостю, пришедшему весной, — оболочка от кишток»).

Появление в языке единиц, обозначающих календарное время (месяцы, дни недели), говорит о том, что оно стало играть в жизнедеятельности человека социальную роль.

Будучи отнесенными к реальным отрезкам времени, календарные названия тем самым являются связующим звеном между реальными отрезками времени и абстрагированной искусственно созданной системой обозначений календаря, которая позволяет упорядочить во времени деятельность общества [5: 37].

Башкиры издавна знали и использовали времяисчисление по лунному и солнечному календарю. Обратимся к календарным названиям.

Устаревшие названия месяцев, заимствованные в своё время из арабского языка, заменены в башкирском языке на современные, которые легко соотносятся с названиями знаков зодиака в русском языке.

Известный краевед М. В. Лоссиевский в работе «Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам» отмечает, что по обычаям, дошедшим из глубокой древности, башкиры, помимо других умений, должны были помнить значения звезд и уметь вести свои дела, сообразуясь со звездами. Среди прочих звезд, сообразуясь с которыми вели свои дела башкиры, были и упомянутые выше созвездия, названия которых дали названия месяцам по солнечному календарю.

Сохранившиеся в языке пословицы, поговорки, фразеологизмы, приметы, связанные с наблюдением за погодой, в которых встречаются арабские названия месяцев, свидетельствуют об их употребительности в бытовой сфере.

Так, с названием первого месяца солнечного года — *хамал*, соответствующего периоду с 22 марта по 21 апреля, связано в башкирском языке выражение *хамал бураны* (мартовский бу-



ран). Пожилые люди утверждают, что пока не пройдет *хамал бураны*, говорить о наступлении весны рано. Другой весенний месяц — *Һәүер* (*сәүер*), второй месяц солнечного года, — знаменовал собой приход настоящей весны, о чем говорится следующим образом: *Һәүер килмәй яз булмаҫ*.

Некоторые из старих названий месяцев солнечного года до сих пор употребительны в говорах башкирского языка. Хотя, следует заметить, что временные промежутки, обозначаемые ими, несколько изменились. Так в сакмарском говоре бытует слово *акрап* (см. *гәкрәп*), которым называют первые числа октября (по старому стилю) и с которым связана следующая примета: *Акрап башында кар яуһа, 40 көндән кар ятыр, яумаһа, бәрәй азнанан кыш*.

Говоря об отрезках суточного времени, Н. И. Толстой заметил, что деление суток на две части — день и ночь — чисто природное явление, а сознание и язык только фиксируют и обозначают его, но дальнейшее, более дробное членение суток, как и года, уже зависимо от человеческого сознания и отражающего его языка. К тому же эти представления национально окрашены, т.е. связаны с определенной этнической группой их носителей и так же, как язык, изменяемы, преобразуемы в ходе исторического развития [7: 17].

День для человека — это прежде всего определенный период в его жизни. В этом значении слово *көн* чаще всего используется в башкирских пословицах и поговорках, ср.: *Мең йыл тыныс йәшигәнсе, бер көн янып йәшигәнең артык; ағым һыуҙы ат кисер, ауыр көндө ир кисер*. Ценность каждого дня определена в пословице *бер көнгә артка калһаң, биш көндә етә алмаҫһың*.

*Көн* в башкирском языке (с различного рода определениями) обозначает и состояние погоды, ср.: *аяз көн, көзгө һаңгак көн, һыуык көн, болотло көн, насар көн, коро көн, гәрәстле көн, етшек көн, иреү көн* и др.

Наблюдения за погодой позволили отразить её особенности и в башкирских пословицах. Об изменчивом характере весенней погоды в языке говорится: *язғы көн — ярты көн*. Долгому зимнего дня башкиры характеризуют выражением *кышкы көн бер тотам*.

При этом характер погодных условий метафорически переносится на человеческие качества: *холокһоҙ катын – ғарәстле кән*.

Таким образом, мы отмечаем, что башкирская паремиология, репрезентирующая элементы концептуальной сферы «время», достаточно наглядно выявляет особенности национально-культурной специфики обозначения и характеристики темпоральных единиц, опосредованной социо- и этнокультурными, религиозными и мифологическими представлениями.

### Литература

1. Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа, 2002.
2. Дударева З. М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира. – Екатеринбург – Стерлитамак, 2004.
3. Звездава Г. В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах: Дис. ...докт. филол. наук. - Липецк, 1996.
4. Полторак С. Н. Некоторые размышления о пространстве и времени в контексте исторической психологии // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект. – СПб., 2003. – Ч. 1. – С.1-4.
5. Потаенко Н. А. Словарные дефиниции как средство выявления принципов организации лексики (на материале слов со значением времени во французском языке) // Вопросы языкознания. – 1980. – № 5. – С. 33-45.
6. Рахматуллина З. Я. Башкирский национальный дух // Ватандаш. – 2002. – № 1. – С. 178-187.
7. Толстой Н. И. Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 17-27.
8. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

## ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ТРУД» В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Р. Х. Каримова

Исследование проблемы языковлечения объектов культуры свидетельствует о том, что национально-языковое сознание формирует глубинные слои картины мира.

Картина мира в сознании человека, владеющего кроме родного иностранным языком, представляет собой мозаику из языковых картин, отражающих результаты познания окружающего мира в разных языках. В этом плане сознание билингва напоминает компьютер с двумя входами. Доминирующей является картина мира родного языка, на которую накладывается опыт освоения действительности в ходе познавательной деятельности языковой личности. В процессе усвоения каждого следующего языка концептосфера языковой личности расширяется, дополняя ее новыми элементами и обогащая познавательный опыт субъекта-носителя языка. Описание картины мира посредством концепта как ментальной единицы открывает широкие перспективы видения языка во всех его многообразных связях с человеком, его интеллектом и разумом, всеми мыслительными и познавательными процессами и с теми механизмами и структурами, которые лежат в их основе [5: 34].

Целью нашей статьи является описание образной составляющей концепта «труд» на материале башкирского языка. Материалом послужили пословицы, выражающие различное отношение к труду, отобранные методом сплошной выборки из словаря Ахтямова М.Х., изданного в 2008 г. издательством «Киган», и «Башкирско-русского словаря пословиц и поговорок» (1994).

В башкирском языке концепт «труд» объективируется с помощью следующих базовых лексем: *эш*, *хезмэт*, *тырышылык*, *уңғанлык*. Первые названные лексемы представлены в языке как синонимы, различающиеся в смысловом отношении в следующих оттенках значения.

Сопоставление семантического наполнения концептов «эш» (хезмэт) по толковому словарю позволяет констатировать, что

названные лексемы не рассматриваются в этом языке как полные синонимы. Сходными нам представляются такие семантические составляющие названных концептов, как «труд как умственная и физическая деятельность», «результат труда», «место работы», «дело, служба» в составе названий учреждений. Семантическое наполнение лексемы «эш» определяется намного шире, чем лексема «хезмэт», среди значений, представленных в словаре, отметим следующие: работа как «ремесло, профессия», «поручение», «дело как документ в суде», «факт», «собрание документов», «участие», «хлопоты», «способ решения проблемы». Концепт «хезмэт» включает в себя значение «служба в армии». Отдельной лексической единицы, имеющей наполнение, близкое к значению русских слов «работа (труд)», в башкирском языке не обнаружено. «Работа» в значении умственной и физической деятельности, результат труда представлена в изучаемом языке лишь некоторыми компонентами значения концептов «эш», «хезмэт», т.к. названные абстрактные имена покрывают не все поле значений, составляющих содержание русских лексем «работа (труд)».

В оппозиции к лексемам «тырышлык», «уңғанлык» выступают лексемы «ялкаулык», «йүнһезлек», которые являются производными от прилагательных *ялкау*, *йүнһез*.

Применив к анализу паремий методику Л. О. Чернейко для определения гештальтов абстрактного имени, в содержании анализируемых пословиц прочитываются следующие гештальтные образования:

1) труд – «счастье», лень – «нищета»: *ялкаулык – ярлылыктың аскысы, тырышлык – бәхет аскысы*;

2) лень – «позор»: *тырышлык – зурлык, ялкаулык – хурлык* (отметим, что в данной пословице также находит подтверждение метафора копейки «часть-целое»);

3) отложенная работа – «выпавший зуб»: *иртәгә калган эшең – һыңып төшкән тешең*;

4) работа – «камень»: *коралын тапкан – таш кискән, эмален тапкан – һыу кискән*.

В паремиях труд описывается с помощью следующих стереотипных ситуаций:

- 1) «нельзя откладывать работу»: *киске эш таңға көлкө*;
- 2) «любимая работа не утомляет»: *яратып эшлэгән эш арытмай*;
- 3) «выполнение работы требует усилий»: *иген ер һыуза үсмәй, тир һыуза үсә*;
- 4) «трудолюбивые встают рано»: *иртә юл уңыр*;
- 5) «старание в труде необходимо»: *һигез көн гүмергә тугыз көн тырышылык кәрәк* (отметим, что в данной пословице противопоставляются числительные 8 и 9);
- 6) «труд красит человека»: *агасты япрак бизэй, кешене хезмәт бизэй*;
- 7) «заработанные деньги на вес золота»: *эшләп алган акса – алтын, бүлеп биргән акса – кағыз*;
- 8) «по оплате и работа»: *хақына күрә – эше, тырмаһына күрә – теше*;
- 9) «на брошенную работу снег падает»: *калган эшкә кар яуа*;
- 10) «терпение приводит к результату»: *сабыр иткән – моратына еткән* и др.

Содержание каждого концепта вербализуется в синонимах, антонимах, крылатых словах, паремиях, фразеологизмах, которые находятся на периферии ядра концепта или относятся к приядерной зоне.

В словаре синонимов башкирского языка З. Г. Ураксина под редакцией Т. М. Гарипова представлены целый ряд обозначений трудолюбивого и ленивого человека. Доминантой ряда являются слова: *уңған, эшлекле, ялкау, эрпеш*. Рассмотрим каждый синонимический ряд подробнее.

Синонимический ряд с доминантной лексемой *ялкау* включает следующие синонимы: *иренсәк, елкаһе сөкор(ло), тиреһе йока*, а также устойчивые словосочетания *ата ялкау, хөрәсэн ялкауы* [8: 232-233].

Приведем пословицы, в которых встречаются вышеназванные обозначения отрицательного отношения к труду, ср. башк. *ялкау егет ер тапмас, таһна ла, тора алмас; иренсәк ике эшләр*.

Доминантой второго синонимического ряда является слово *эрпеш*. Приведем словарную статью: *эрпеш, эшлекһез, эрпешһез, шамтыр, койолдорок, һәпрә (һөйл.), шапшак, йыбыткы* [8: 225].

Из перечисленных синонимов в поговорках встречаются следующие: *һәпрә*, ср. *катының һәпрә булла, энәңде үзең һапларның, эшлекһез кеше мактансыҡ булыр, иренсәк иркә булыр*. Наиболее частотным среди перечисленных обозначений ленивого человека следует признать слово *ялкау*. Во фразеологических словарях нами были обнаружены дополнительно следующие обозначения ленивого человека: *иренгән, уңмаған, йүңһез, эшһез, егәрленең киреһе, ялкау ат, ялкау малай, иң кәрәкле кишер япрағы*.

В проанализированных нами поговорках лексема *ялкау* встречается и как существительное, и как определение к существительному, ср.: *ялкау кеше аш янында ат кеүек, эш янында эт кеүек; ялкау ятын ашар*.

Ценностная составляющая концепта «труд» реализуется в поговорках башкирского языка в виде следующих стереотипных ситуаций:

1) «в любом несчастье лентяй ищет выгоду»: *ялкауга үгез үлһә – ит, арба ватылла – утын*;

2) «ленивой свекрови достается ленивая сноха»: *ялкау кәй-нәгә – һәпрә килен* (отметим, что слова *ялкау* и *һәпрә* являются синонимами);

3) «ленивый и могилы недостоин»: *ялкауга кәбер хәрәм, тере ялкаузан мәйет артык*;

4) «для ленивого и солнце не вовремя всходит»: *ялкауга кояш та вакытында сыкмай* (ср. рус. *лежебоке и солнце не впору всходит*);

5) «ленивый и ест лежа»: *ялкау ятын ашар*;

6) «кто не работает, тот не ест»: *эшләргә иренгән – ашарга тил-мергән*;

7) «ленивый, если и работает, то мало»: *ялкау аз эшләй, аз эшләһә лә күп тешләй*;

8) «у лентяя семь пятниц на неделе»: *ялкаузың азнаһына биш көн* (в русской поговорке используется число 7, в данной поговорке – 5);

9) «работа с зубами, а лень с языком»: *ярык кайза – ел шунда, ялкау кайза – тел шунда;*

10) «ленивому и ложка тяжела»: *ялкауга кашык та ауыр;*

11) «лентяй везде ищет удобства»: *ялкау ятыр ерзең яйлыһын һайлар;*

12) «лентяи бывают избалованными и хвастливыми»: *иренсәк иркә булып, эшлекһез кеше мактансык булып;*

13) «лентяи всегда находят отговорки, чтобы не работать»: *ялкауга эш кушһаң, башы ауырта;*

14) «лентяи всегда откладывают работу на потом»: *иренгән иртәгә тиер;*

15) «будешь учить лентяя работать, он тебя уму-разуму научит»: *ялкауга эш өйрәтһәң, ул һиңә аҡыл өйрәтер;*

16) «у лентяя и лошадь ленива»: *ялкаузың аты ла азымһыз булып.*

К данной подборке пословиц также можно применить методику определения гештальтов абстрактных имен Л. О. Чернейко:

1) деперсонафикация,

а) ленивый человек – «сон»,

б) ленивый человек – «выходной день»,

в) ленивый человек – «праздник», ср.: *ялкаузың дуҫы – йоко; ялкауга көн дә ял, көн дә байрам, көн дә туй;*

2) «ленивый человек – человек без сил», ср. башк. *эшһез кеше – көсһөз кеше;*

3) «лекарство от лени – труд», ср. башк. *ялкаулыктың дарыуы – эш.*

Для большинства пословиц характерна яркая образная метафора. В анализируемых нами пословицах метафоризации подвергаются следующие группы слов:

1) фитонимы: бойзай – билсэн, ср. *ялкаузың еренә бойзай сәһәң, билсэн үҫә* (отметим, что для создания образа ленивого человека используются обозначения сорняков: *билсэн* – лебеда, этому образу противопоставляется полезный злак: *бойзай* – пшеница);

2) метафора «часть – целое», ср. *ялкау кеше – ярты кеше, уңган кеше – ун кеше*, для создания образа используются числительные:  $\frac{1}{2}$  и 10;

3) зоометафоры: эт, ат, үгез, ср. *ялкау кеше аш янында ат кеүек, эш янында эт кеүек; ялкау катын, ялкау ат эжәлдән әлек үлтерә; ялкау үгез ит бирә, ялкау кеше пи бирә?*

Рассмотрим образное содержание пословиц, в которых представлено положительное отношение к труду и описываются труженики.

Синонимический ряд лексем, служащих для обозначения трудолюбивого человека, представлен следующими словами: *уңган, булдыклы, сгәрле, эшлекле, булырзай*. Доминантой ряда является слово *уңган* [8: 194].

В пословицах также встречаются такие лексемы для обозначения положительного отношения к труду, как: *тырышкан* 'тот, кто старается', *оста* 'умелый', *иренмәгән* 'тот, кто не ленится', *тырыш* 'старательный'. Отметим, что во всех отобранных нами для анализа пословицах отражается и национальная специфика, к примеру, *уңган килен һалмаһынан билгеле*. В старину перед свадьбой проверяли, как невеста режет лапшу, в этом проявлялась ее умелость, ее хозяйственные навыки. Встречаются среди нашего фактического материала и более современные пословицы, созданные, как нам представляется, в советские времена, ср.: *ударник тырышып эшләп, лудыр бармагын тешләп*. Здесь слово *ударник* обозначало во времена колхозов передового работника, выполняющего норму, слово *лудыр* является калькой с русского «лодырь».

Труд описывается в пословицах с помощью следующих стереотипных ситуаций:

1) трудолюбивый человек делает невозможное: *тырышкан кар өстөндә казан кайната; тырышкан табыр, ташка казак кагыр; уңган кеше баскан ерендә ут сыгара* (букв. 'трудолюбивый человек высекает огонь там, где ступает');

2) муж – труженик, жена – помощница: *ир уңган булла, катын ыльдам булыр* (в данной пословице подчеркивается, что в хорошей семье оба труженики);



3) «трудолюбивый человек не оставляет работу на завтра»: *иренмәгән иртәгәге эшен бөгөн бөтөргән*;

4) «трудолюбивый человек не будет голодать»: *тырышкан кеше ас калмас*;

5) «у трудолюбивого человека и руки другие»: *оңтаның кулы башка*;

6) «дело мастера боится»: *эи оңтанан курка*;

7) «больше дела, меньше слов»: *эшкә ошта, һүзгә кыска*;

8) «трудолюбивая жена – счастье»: *уңған бисә – ак бәхет, уңмаған бисә – как бәхет*;

9) «трудолюбивый человек – мастер своего дела»: *уңған кеше кылды кырка ярыр* (букв. 'умелец и волосок на 40 частей разрубит');

10) «трудолюбивый человек любит работать, ленивый – постыдиться»: *уңған кеше эш ярата, уңмаған тош ярата*.

В пословицах, объективирующих концепт «труд» в башкирском языке, можно обнаружить различные образы, которые описывают труд в его разнообразных проявлениях, например, якины *апта камсы кәрәкмәй, уңған кызга яусы кәрәкмәй* (букв. 'хорошую лошадь не надо подгонять, умелую девушку не надо сватать'). Интенсивный тяжелый труд сопровождается выделением пота, ср. башк. *эшләһәң – тир сыга, тир менән сир сыга*. При описании трудолюбивого человека используются образы животных, ср. башк. *кара тауык та ак күкәй һала* (букв. 'и черная курица несет белые яйца'), *карт алаша буразнаны бозмай* ('старый конь борозды не портит').

В заключение рассмотрим пословицы, в которых противопоставляются трудолюбивый и ленивый человек. Нами было обнаружено 28 таких пословиц. В анализируемых ниже пословицах встречаются следующие лексемы для обозначения ленивого и трудолюбивого человека: *эшән, тырышкан, эшле, уңған, эшлекле, ударник, иренгән, эшһез, ялкау, уңмаған, эшлекһез, эрәмтамак, лудыр*.

Противопоставление различного отношения к труду осуществляется в данных паремиях с помощью следующих стереотипных ситуаций:

1) «труженик не может жить без работы, ленивый не замечает хода дней»: *эшсэн кеше эшез тормаз, иренгэн кеше көн күрмәз*;

2) «придет труженик – работа прибавится, придет лентяй – работа останется несделанной»: *эшле киллер – эш арттырыр, эшез киллер – эш калдырыр*;

3) «труженик любит работать, лентяй любит поесть»: *ялкау ашга килер, уңған эшкә килер*;

4) «жена–мастерица – счастье, жена–неумеха – несчастье»: *уңған бисә – ак бәхет, уңмаган бисә – как бәхет*;

5) «счастье труженика – в труде, счастье лентяя – во сне»: *эшсэн бәхетте эшендә күрер, ялкау бәхетте төшондә күрер*;

6) «у труженика руки золотые, у бестолкового лица нет»: *уңгандың кулы алтын, иүңһезең йөзө һалкын*;

7) «мужчина деловит, женщина болтлива»: *ирзәргә эш булһын, катын-кызга һүз булһын*;

8) «труженик ищет счастье в труде, лентяй на чужбине»: *эшсэн бәхетте эштән эзләр, ялкау бәхетте ситтән эзләр*;

9) «пока труженик работает до пота, лентяй дух испустит»: *тырышың тире сыткансы, ялкаузың йәне сыгыр*;

10) «один с сошкой, семеро с ложкой»: *бер эшсегә ун баһсы*.

Среди последней группы пословиц также встречаются пословицы более позднего происхождения, отражающие советские реалии, например, *эшлекле норма өсөн йөрөр, эшлекһез форма өсөн йөрөр*; *ударник тырышып эшләр, лудыр бармагын теһләр*.

Считаем необходимым выделить в отдельную небольшую группу пословицы, имеющие форму совета. Грамматическая форма этих пословиц – повелительное наклонение: *эште үзәң белеп эшлә, кеше кушканды көтмә; аз һойлә, күп эшлә; иртәне кичез мактама*.

Для сопоставления рассмотрим ряд признаков исследуемого концепта на материале русского и немецкого языков.

Наибольшую ценность для нашего исследования представляют паремии, в которых отражена широкая картина жизни народа. Паремии передают представления о взглядах народа, его понимание действительности. В пословицах типизируются

образы представителей различных социальных слоев: рабочего, крестьянина, ремесленника, попа, барина, судьи.

Идиомы и поговорки, объективирующие концепт «труд», можно систематизировать согласно концептуальным признакам, которые вербализуются в фитонимах, зоонимах, коннотативных онимах и т. д. Наиболее богато репрезентированы признаки: «жить за счет чужого труда», «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью», «тяжелый физический труд», «работать кое-как, небрежно», «предаваться безделью» и др.

1) Концептуальный признак «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью» вербализуется в следующих фразеологических единицах и поговорах: русск. *с козла молока ничего доить; в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет;*

1) «предаваться безделью»: *просил осетр дождя, в поле лежа, ленивому Микишке все не до книжки; урвал веку, на печи лёжа; за обедом соловей, а после обеда воробей;* нем. *ein schlafender Fuchs fängt kein Huhn;*

2) «работать кое-как, небрежно»: русск. *мельник не бездельник, хоть дела нет, а топор из рук не идет; худой кляче и хвост в тягость,* нем. *Hans Ungeschick hat sein Glück; je schwerer die Kunst, je mehr Pfuscher;*

3) «тяжелый физический труд»: русск. *вола в гости зовут не мед пить, а воду возить; до солнца пройти три покоса – ходить будешь не босо;* нем. *hartes Holz bohren, eigener Fleiß macht den Schornstein rauchen;*

4) «пользоваться результатами чужого труда»: русск. *Инат наделал шпат, а Федос продавать повез; делателю полтина, а царядчику рубль; дешева рыба на чужом блюде,* нем. *aus fremder Haut ist gut Riemen schneiden, auf fremder Weide ist immer das fetteste Vieh, die dümmsten Bauern haben die dicksten Kartoffeln; der eine hat Mühe, der andere die Brühе, vom fremdem Schweiß riecht niemand;*

5) «работа требует усилий»: русск. *бобы – не грибы: не посеяв, не выйдут; земля – тарелка; что положишь, то и возьмешь;* нем. *süßig getrunken – sauer bezahlt, wer Brot will, darf den Schweiß nicht scheuen; Geduld und Fleiß erringt den Preis, ohne Fleiß kein Preis.*

Лексемы, объективирующие названные признаки, отражают идиоэтническую специфику концепта. В отобранном нами эмпирическом материале наиболее частотными являются зоонимы: *Huhn, Wolf, Fuchs, Bock*, козел, соловей, осетр, воробей, устаревшие слова и формы: *ведро, подрядчик, нарядчик*, онимы: *Ипат, Федос, Микушка*; обозначения инструментов и профессий, связанных с тяжелым трудом: русск. *пот*, нем. *Schweiß, Fleiß, Geduld* (мельник, лопата, коса).

Применив разработанную Л. О. Чернейко методику определения гештальтов абстрактных имен, можно выделить в составе концепта «труд» следующие «гештальтные образования»:

1. Персонификация – учитель, кормилец: русск. *дело не мамина – в лето не опадет; работа не медведь, дает и поглядеть*; нем. *Arbeit ist kein Falke, fliegt nicht in den Wald, das Werk lobt den Meister, die Arbeit ist des Lebenswurzel*.

2. «Овеществление» – дрова, гортань, растения, части тела, дни недели: русск. *без работы и печь холодна, гортань приемлет всего лета труд; морюшка любит ножки, а грибки любят глазки*, нем. *Des Herrn Augenacht das Viehfett, der Morgensorgt, der Abendverzehrt*.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Концепт «труд» относится к ключевым в понимании языковой национальной картины мира.

2. Наиболее богато структурированы концептуальные признаки: «работать плохо, халтурно», «предаваться безделью», «пользоваться результатами чужого труда», «тяжелый физический труд».

3. Совокупность признаков может составить культурный сценарий концепта и позволит описать фрагмент национальной языковой картины мира.

4. В содержании образной и ценностной составляющей концепта «труд» отражается национальная специфика народа-носителя языка.

5. Семантическое наполнение концепта представляется в целом сходным в разноструктурных языках. В плане выражения

наблюдаются некоторые различия, связанные с грамматическим строем исследуемого языка.

6. Исследования не являются конечными, так как к анализу привлекаются другие языковые единицы.

### Литература

1. Башкирско-русский словарь пословиц и поговорок / Сост. И. М. Гарипов. – Уфа: Китап, 1994. – 168 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великого русского языка: В 4 т. – Изд. 2-е, испр. – М., 2000.

3. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1999.

4. Карасик В. Н. Языковой крут: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 121 с.

5. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-36.

6. Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Э. Бинович, отв. ред. Н. С. Чемоданов. – М.: Гос изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 904 с.

7. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и культуре. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

8. Ураксин З. Г. Словарь синонимов башкирского языка / Под ред. Т. М. Гарипова. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1966. – 270 с.

9. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. – М.: Астрель, 2001. – 720 с.

10. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997.

11. Әхтәмов М. Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. – Өфө: Китап, 2008. – 776 б.

## ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Ф. Г. Хисамитдинова

Цветообозначения башкирского языка в той или иной степени изучены. Защищены диссертации, вышли статьи [1]. Безусловно, это связано с тем, что цветообозначения занимают большое место в лексическом фонде башкирского языка.

Говоря об этом, помимо основных названий цветов *ак* 'белый', *кызыл* 'красный', *йашел* 'зеленый', *һары* 'желтый', *күк* 'синий', *көрән* 'коричневый', *һоро* 'серый' мы имеем в виду, во-первых, названия промежуточных, оттеночных цветов, таких, как *акһыл* 'беловатый', *караскыл* 'темноватый', *көрән күк* 'фиолетовый' (другое наименование – *шәмәхә*), *кызыл һары* 'оранжевый', *һандал* 'ярко-розовый' и др. Во-вторых, мы подразумеваем также лексемы башкирского языка, включающие в свой состав цветообозначения. Судя по данным «Академического словаря башкирского языка», такого рода лексика представлена почти во всех тематических группах слов [2]. Ср.: *аккош* 'лебедь', досл. 'белая птица'; *акбай* 'лабазник шестилепестной', досл. 'белая голова'; диал. *акбайай* 'дядя, старший брат отца', досл. 'белый старик'; *кызылса* 'корь', досл. 'краснуха'; *караташ* 'графит', досл. 'черный камень'; *күкташ* 'медный купорос', досл. 'синий камень'; *һарыгат* 'облепиха', досл. 'желтая ягода'; *һарыкыз* (синоним мифонима *Албасты*) 'злой демон в женском облике', досл. 'желтая (свеглая) девушка'; *Акбикә* 'личное женское имя', досл. 'белая госпожа'; *Ағиҙел* 'название реки', досл. 'белая река' и др. Судя по примерам, цветообозначения занимают большое место при номинации в башкирском языке. Предварительные наблюдения показывают, что лексика цвета наиболее часто встречается в названиях растительного и животного мира. В качестве примера можно привести названия птиц, зафиксированные в книге Э. Ф. Ишбердина «Птицы Башкортостана» [3]. В данной работе нашло отражение 392 названия, из них 148 на-

именований птиц имеют в своем составе цветообозначение. Ср.: *һарығош* 'иволга', досл. 'желтая птица'; *кызылтүш* 'снегирь', досл. 'красная грудь'; *кара торна* 'красавка', досл. 'черный журавль' и др. Интересно отметить, что из 392 русских названий птиц, данных в той же книге, лишь 48 включает в свой состав цветообозначение [4].

Обилие цветовой лексики в словарном составе башкирского языка не могло не отразиться в его паремиологическом фонде. Предварительный обзор словаря М. Х. Ахтямова «Словарь башкирских народных пословиц и поговорок» показывает, что практически вся цветовая лексика башкирского языка нашла отражение в его паремиологии [5]. Всю цветовую лексику паремий, зафиксированных в словаре М. Х. Ахтямова, можно объединить в следующие группы:

- группа цветообозначения *кара* 'черный' (87 примеров);
- группа цветообозначения *ак* 'белый' (62 примера);
- группа цветообозначения *кызыл* 'красный' (25 примеров);
- группа цветообозначения *һары* 'желтый' (15 примеров);
- группа цветообозначения *күк* 'синий' (11 примеров) [6].

С остальными основными цветообозначениями в башкирских паремиях представлено только по одной пословице. Ср.: *Йәшел сирам сир кыуыр*, досл. 'зеленая целина болезнь прогоняет'; *һары мәтрүшкә – алтымыш торло ауырыуга, корән мәтрүшкә етмеш торло ауырыуга дауа*, досл. 'зверобой – целебное средство от шестидесяти болезней, душица – от семидесяти'; *һарауһызга һалам бирһән, һорай–һорай һорога калдырыр* 'дела дурака умного изведут'. Рассмотрим более подробно группу паремий со словами *кара* 'черный', *ак* 'белый' и *кызыл* 'красный', так как они являются самыми многочисленными.

В пословицах и поговорках башкирского языка у цветообозначения *кара* 'черный' зафиксировано более 10 значений, ниже приводятся наиболее часто встречающиеся:

1. *кара* 'черный': *һүкырга төн ни, көн ни, ак ни, кара ни*, 'слепому что день, что ночь, что белое, что черное';

2. кара 'бесснежный': кара һыуык карзан яман, досл. 'сухой, без снега холод хуже снега';
3. кара 'грязный': сұлмак сұлмакка: «Йөзөң кара», – тигән, досл. 'горшок горшку говорит: «Лицо твое черно»;
4. кара 'вороной': кара атын мактаган кеше кара иэйзүгә калган, досл. 'тот, кто хвалил своего вороного, вообще остался безлопадным';
5. кара 'простой незнатный': кара кешегә – мал терәк, хан кешегә – ил терәк, досл. 'простому человеку опора – скот, хану – народ';
6. кара 'сильный, прочный': кара кешенең тире сыккансы, һары кешенең йәне сыккан, досл. 'пока у смуглого человека появится пот, у светлого душа отойдет';
7. кара 'злой, злобный': йөзө ак тип алданма, эсе кара булмаһын, досл. 'не верь внешности, нутро может быть злобным';
8. кара 'обозначение родового различия в некоторых терминах': кара тупрак иген уңдыра, досл. 'чернозем дает хороший урожай'; арбауын белһең, кара йылан да карышмай, досл. 'если знаешь заклинание, и гадюка подчинится' и др.;
9. кара 'горе, беда': кара көндә дуҫ булмас, досл. 'в горестные дни друзей не бывает'; ил менән кара кон дә байрам, досл. 'с миром и тяжелые дни – праздник'; ак акса кара көн өсөн, досл. 'белые деньги на черный день' и др.

Зафиксированные в паремиях значения слова *кара* совпадают с материалом и толкового словаря. Вместе с тем следует отметить, что отдельные значения слова *кара* присутствуют только в паремиях. Так, например, в паремиях кем менән кара булганһың, шуның менән ак бул (досл. 'с кем почернел, с тем и становись белым'), кайза барһаң да, кара һакалың артыңдан калмас (досл. 'куда бы ни шел, твоя черная борода будет следовать за тобой'). В последней пословице слово *кара* имеет значение 'дурная слава', которое отсутствует в толковом словаре.

В пословицах и поговорках у слова *кара* зафиксированы значения, связанные с олицетворением, мифологизацией. Так,



например, пословицы *кара ерзең карыны киң* (досл. 'у земли большая утроба), *кара урмандың карыны киң* (досл. 'у черного леса утроба большая'), *азашмам тигән егетте кара томан азаптырыр* (досл. 'егета, который говорил, что не потеряет дорогу, черный туман сбил с пути') построены на олицетворении. Судя по тексту, *кара ер* 'черная земля', *кара урман* 'черный лес', *кара томан* 'черный туман' имеют антропоморфные признаки.

В пословице *йылаңдың ағына тейһәң, караны коткармаҫ* (досл. 'если заденешь белую змею, черная не спасет') нашли отражение мифологические представления башкир о царице всех змей – белой змее. По поверьям башкир, убившего *Ак йылан* – царя змей могут сожрать змеи.

Связь цветообозначения *кара* с отрицательной семантикой, темными силами, магией находит отражение в пословицах и поговорках типа *ак тигәнең – алғыш, кара тигәнең – карғыш* 'белые помыслы – благословение, черные проклятья'; *кара карғышың кара башыңа* (досл. 'твои черные проклятия твоей черной голове'). В целом, подводя итоги, можно сказать, что в паремиях у цветообозначения *кара* зафиксированы как положительные, так и отрицательные значения. Положительная семантика связана, судя по примерам, со значениями «прочный, большой, настоящий, трудовой, сильный, простой, густой, земля, почва». Что же касается отрицательной семантики, то она связана со значениями «темный, бесснежный», а также «горе, беда, зло» и др. Интересно отметить, что отрицательная семантика цветообозначения *кара* особенно ярко проявляется в мифологии и магии. Ср.: *кара дога* 'языческая молитва, заклинание', *кара китансы* 'колдун', *кара буран* 'вихрь, по представлению башкир, одноглазый злой дух', *карагош* 'мифическая птица подземного мира', *кара китан* 'книга судеб', *кара көс* 'темная нечистая сила' и др. [7].

Цветообозначение *ак* 'белый' в башкирских паремиях по употребляемости стоит на втором месте. В пословицах и поговорках нашли отражение следующие его значения:

1. ак 'белый': *акка кара тиз тейэ, досл. 'к белому черное пристает быстро'*;

2. ак 'благой, добрый, хороший': *ак күңелдең аты арымас, туну тузмас, досл. 'у доброго человека конь не устанет, шуба не изнашивается', эшең ак булһа, ивэң пак булыр, досл. 'если дела твои благие, и лицо твоё светлое'*;

3. ак 'светлый, слабый, бессильный': *ак кеше – сак кеше, кара кеше – нык кеше, досл. 'белый (светлый) человек – слабый человек, чёрный (смутный) человек – прочный человек'; ак матур – сак матур, кара матур – бик матур, досл. 'белый (светлый) красивый – чуть красив, чёрный (смутный) красивый – очень красивый'*;

4. ак 'счастливый, удачный, радостный': *ак юл – озон гүмер, досл. 'белая (счастливая) дорога – долгая жизнь'; агайым өйө – ак йэйләу, энем өйө – өң төбө, досл. 'дом старшего брата – радостная летовка, дом младшего брата – дно берлоги'*;

5. ак 'чистый': *кулың ак булһа, йөзөң ак булыр, эшең хак булһа, гаиләң шат булыр, досл. 'коль руки будут чистые, лицо будет светлым, коль дела твои будут правые, то и семья будет счастливая'*;

6. ак 'молочные продукты': *агы барзың тугы бар, досл. 'у кого есть молочные продукты, тот сыт'; ак ашаган арымас, досл. 'тот, кто ест молочные продукты, не устанет'*;

7. ак 'бельмо': *ашыккан күзгә ак тоша, досл. 'у торопливого на глазу появляется бельмо'*;

8. ак 'дорогой, ценный': *күн һүз – юк һүз, аз һүз – ак һүз, досл. 'многословие – пустословие, мало слов – больше дел' и др.*

Судя по примерам, цветовая лексика *ак*, как и *кара*, имеет и положительную, и отрицательную семантику в паремиях. Отрицательная семантика связана с такими значениями, как «слабый, недостаточный, бедный, бельмо» и др.

Следует отметить и то, что часть значений лексемы *ак* обнаруживает параллели в мифологизмах. В частности, в такой поговорке, как *ак тигәнең – алгыш, кара тигәнең – каргыш* (досл. 'бе-

лые помыслы – благословение, черные – проклятья’) слово *ак* имеет мифологическое значение, связанное с магией слова. По поверьям башкир, хорошие, добрые, светлые пожелания человеку приносят в жизни благо, счастье, удачу, а черные, дурные пожелания обрекают человека на несчастья и беды, неудачу и болезни. Поэтому башкиры и говорят «*карғыш алма, алғыш ал*» (досл. ‘не принимай проклятия, принимай благопожелания’) [7: 178].

В целом, цветообозначение *ак*, судя по материалу, в паремиях является символом чистоты, удачи, доброты, уважения, света, святости. В этом оно сближается с фразеологизмами, народной терминологией башкирского языка, включающими в свой состав лексему *ак*. Ср: *ак донъя* ‘рай’, *ак баыҡ* ‘священная рыба’, *ак йылан* ‘мифический царь змей’, *ак бата* ‘доброе пожелание, благословение’, *агинәй* ‘уважаемая пожилая женщина’, *ак болан* ‘священный олень’, *акһаҡал* ‘уважаемый человек’, *ак күмөү* ‘обряд освящения фундамента молочным продуктом’, *ак корбан* ‘обещанное жертвоприношение’, *ак теләк* ‘благопожелание’ и др. [7:14-20].

Цветовая лексема *кызыл* в башкирской паремииологии зафиксирована в следующих значениях:

1. *кызыл* ‘красный’: *атай үлдө – иркәһ калды, кызыл тышлы тун калды*, досл. ‘умер отец – стало свободно, от него остался покрытый красным тулуп’;

2. *кызыл* ‘рыжий’: *кызыл төлкө – ер күрке, матур егет – ил күрке, матур кызыр – ои күрке*, досл. ‘рыжая лиса – краса земли, красивый джигит – краса рода, красивые девушки – краса дома’;

3. *кызыл* ‘красивый’: *һәр кызылга кызыкма*, досл. ‘не зарись на каждую красивую (вещь), не прельщайся каждым красивым (предметом)’; *кызың күзе кызылда*, досл. ‘глаза девушки на красивом’;

4. *кызыл* ‘медный’ *кыз кызыл алтындан киммәт*, досл. ‘дочь дороже красного (медного) золота’; *йортка кызыл йылан килһә, янгын сыга* ‘если в подворье появилась медянка, будет пожар’;

5. *кызыл* 'часть некоторых народных терминов: *кызылсага* – *кызыл кор*, досл. 'кори, краснухе повесь красное' и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что цветообозначение *кызыл* в поговорках употребляется не так активно, как *кара* 'черный' и *ак* 'белый'. В семантическом плане лексема *кызыл* также не обнаруживает особого разнообразия, однако встречается как в положительном, так и в отрицательном значениях. В частности, в поговорках со словами *кызыл эт*, *кызыл тел* у данного слова отмечается отрицательная семантика. Ср.: *кызыл телемде тыйманым, үз кызыма һыйманым*, досл. 'не остановил свой красный язык, дочери родной не угодил'.

Как показывает материал, слово *кызыл* в поговорках встречается не только в прямом, но и в переносных значениях, связанных с мифологическими представлениями древних башкир. Ср.: *кызгананың кызыл эткә*, досл. 'то, что пожалел, пусть достанется красной собаке'; *кызылсага* – *кызыл кор*, досл. 'кори, краснухе повесь красное'. В последнем примере нашли отражение представления башкир об отгонной силе красного цвета, в соответствии с которыми при заболеваниях корью, краснухой люди обращались к магии красного цвета, т. е. больному давали красные ягоды, надевали красную одежду, укрывали его красным одеялом, закрывали красной занавеской [8: 269-272].

Подводя итоги по употреблению цветообозначений в поговорках, можно сделать следующие выводы:

- в поговорках и поговорках башкирского языка нашли отражение, как и в других языках, названия основных цветообозначений;
- наиболее активными в поговорках являются цветолексемы *кара* 'черный', *ак* 'белый', *кызыл* 'красный';
- в семантическом плане цветообозначения в поговорках в основном совпадают со значениями, нашедшими отражение в толковом словаре башкирского языка. Однако не все цветообозначения и не во всех значениях функционируют в поговорках. Причины этого, по-видимому, обусловлены спецификой

жанра, связанной с краткостью, дидактичностью, обобщенностью паремий;

– в паремической картине мира башкир, созданной на базе основных цветообозначений, особое место занимают мифология и магия.

### Литература и примечания

1. Файзуллина З. С. Этнокультурные особенности цветообозначения в современном башкирском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 21 с.; Гатауллина Л. Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 24 с.

2. Академический словарь башкирского языка / Под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. В 10 томах. Т. I: (Буква А). – Уфа: Китап, 2011. – 432 с.; Т. II: (Буква Б). – Уфа: Китап, 2011. – 586 с.; Т. III: (Буквы В-И). – Уфа: Китап, 2012. – 864 с.; Т. IV: (Буквы Й-К). – Уфа: Китап, 2012. – 943 с.; Т. V: (Буква К). – Уфа: Китап, 2013. – 888 с.

3. Ишбердин Э. Ф. Птицы Башкортостана (на баш. яз.). – Уфа, 1986.

4. Подсчеты автора.

5. Ахтямов М. Х. Словарь башкирских народных пословиц и поговорок (на баш. яз.). – Уфа, 2008.

6. Подсчеты автора.

7. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М., 2010. – 456 с.

8. Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. – Уфа, 2011.

## БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘ «УТ» КОНЦЕПТЫ

Л. М. Хөсәйенова

«Ут» – иң йыш таралган концепттарзың береһе: быуаттар һузымында кеше аңында «ут» төшөнсәһе телдә сағылыш тапкан, сөнки ут – ул иң элек кешеләр өсөн йәшпәу сығанағы.

«Ут» концептының үзенсәлектәрен күзәтәү өсөн боронго төрки, ике телле (тәржемәүи), башкорт теленең аңлатмалы һәм диалекттар һүзлектәренә мөрәжәғәт итәйек.

«Боронго төрки һүзлегә»ендә «ут» лексемаһы полисемантик һүз буларак теркәлгән, һәм уның үз-ара омонимик дүрт мәғәнәһе күрһәтелгән.

**От I** огонь; *ot ocdi 'огонь погас'; ot tutinsuz bolmas 'огонь не бывает без дыма'. Ot bandal 'головешки, которыми играют дети и которые используют при игре в човган'.*

**От II** трава, зелень; *atqa ot bergil 'дай лошади траву'.*

**От III** лекарство; *bu ot ol qarın bosutıyan 'это лекарство очищает желудок'.*

**От IV** *ot qaraq 'зрачок'.*

Әйтәргә карәк, хәзерге лексикографик хезмәттәрҙә уларзың барыһы ла каралмай. Мәсәләң, «Башкорт теленең аңлатмалы һүзлегә»ендә (Өфо, 1993) «ут» лексемаһының түбәндәге мәғәнәләре теркәлгән:

1. Янған нәмәнән сыккан әсе якты газ. [Гөлийөзөм] *усагына ут ягып ебәрзе. Н. Дәүләтшина.*

күсм. Көслә хис-гойғо. *Кайғы-хәсрәт уты.*

күсм. Янып торған дәрт, ялкын. *Көрәш уты. Ярыш уты.*

күсм. Бик ярыһу, уңған тәбигәтлә кешегә карата. [Сыңбулатов] *Но, торганы менән ут инде улар, ут! Эшкә лә үжәттәр, уйынын да булдыралар. М. Тажи.*

2. Йылыһу, бешеренәү өсөн кырза, ерзә яндырылған ағас өйөмө. *Быжырмәргән юл өстөндә янып торған утка тап була. (Әкиәттән).*

3. Йорт, каралдыны ялмап алған ялкын. *Ут сыға. Ут төртөү. Ут һалыу.*

4. Шәм, сырак яктыһы. *Шәмгә ут* һалыу. Өйгә *ут* үткәрәү.

күсм. Кешенең берәй төрлө эске кисерешенен күзгә ялтырап сағылышы. *Башта ул, минең кемлегемдә белмәс борон, күзгәрендә усал уттар уйнатып куйы.* И. Физзәтуллин.

5. Атыш. Артиллерия *уты*. Искәрмәстән туп атылды, Порт-Артурзы *ут* алды. (Бәйеттән). / Пуля, снаряд һ. б. жуып торған урын, нуғыш. *Агайзарзы алыс ут эсенә алып китте йондоз кашкалар.* Р. Бикбаев.

Күренеүенсә, һүзлектә «ут» концептының тура мәгәнәләре генә түгел, шулай ук күсмә мәгәнәләре лә күз уңында тотоп эш ителгән. Шул рәүешлә «ут» лексемаһының полисемия күрене-шлә икәнә иҗбатланған. Һүзлек статьяһының азағында без караған лексемага бәйлә нығынған һүзбәйләнештәрзән, мәкәл һәм әйтемдәрзән бик күп төрлө миҗалдар килтерелгән. Мәсәлән, **Баҗкан ерзән ут сыгарыу (йәки сәсрәтеү)** көс, дәрт менән елкәнеү. *Баҗкан еренән ут сыгарып, маңлайына тир сыгарып эшләмәгән ир – ир түгел* ул. (М. Тажи). **Кау астына ут төртөү** кеше араһын астыртын болғатыу. **Ут бөрсәһе** бик йор, етез, осоп-тошоп торған балаға, йәш кешегә карата әйтелә. **Ут уйнатыу** уңған, үткер булыу, янып тороу. *Ут уйнатып эшләу.*

«Ут» лексемаһының полисемик күренеш икәнлегә хақында әйтөп үткәйнек. Тикшерелгән һүзлектә айырым статья рәүешендә «ут»тың тағы ла бер мәгәнәһе теркәлгән. Был лексема баҗкорт лексикаһының пассив катламына карай һәм *иск.* тигән махсус билдә менән күрһәтелгән. Һүзлек статьяһына иҗтибар итәйек:

**Ут и. иск.** Үлән. *Күк ут.* Аркауылдың утынан ат утлаткан каруансы. (Кобайырзан). **Бабасыр уты** – кара-каршы япраклы, күк йондоз сәскәле ялан, туғай үләне. **Кенә уты** – тарбакай һабаклы, ялбыр өйкөм сәскәле, сәнскәк орлокло ағыулы үлән. **Сәй уты** – еле һабаклы, кабак япраклы, һары сәскәле, әре йәшелсәле бакса үсәмеге.

Теркәлгән миҗалдарзән күренеүенсә, үлән аңлатмалы «ут» лексемаһы ботаника терминдарын барлыкка килтерәүзә продуктив катнаша. Быны «Баҗкорт теленен һүзьяһалыш

һүзлегендә (Өфө, 2005) теркәлгән миҫалдар менән иҫбат итеп була (күгәрсен уты, тилсә уты, тайраут, тирут, тозут һ. б.).

«Хәзерге башкорт әзәби теленең аңлатмалы һүзлегендә (Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө фәнни үзәгенең Тарих, тел һәм әзәбиәт институты, Өфө, 2004) «ут» лексемаһының түбәндәге мәғәнәләре теркәлгән:

1. Яныуҙан сыккан әсе ялкын. *Кызыу ут. Ут токандырыу.*
2. Шәм, сырак яктыһы. *Шәмгә ут алыу.*
3. Атыш, һуғыш урыны. *Ут нөктәһе. Ут әсендә калыу.*

Шулай итеп, без карап үткән был һүзлектә лә һәр бер мәғәнә конкрет миҫалдар менән нығытылған, миҫалдар рәүешендә мәкәлдәр килтерелгән, һүзгән кулланылышын күрһәтәү өсөн фразеологик берәмектәр бирелгән. Мәсәлән, **Ике ут араһында (калыу, булыу)** кара-каршы яктарға ярай алмай, ауыр хәлдә (калыу). **Утка һалыу** кайғыға төшпөрөү. **Ут сәсрәтәү** уҫаллыҡ күрһәтәү.

Ике телле «Башкортса-русса һүзлек»тә (М., 1996) һәм «Русса-башкортса һүзлек»тә (Өфө, 2005) «ут» лексемаһының тәржемәһе уның күп мәғәнәләге нигезендә тормошҡа ашырылған.

Башкортса-русса һүзлектә уттың күп мәғәнәләге уны исем һәм сифат һүз төркөмдәренә бүленә сағылдырылған.

**ут** I 1) *прям., перен.* огонь, огонёк; костер II *описный;* **ут яна** огонь горит; **ут һүнде** огонь потух; **ут йылыһы** тепло огня; тепло костра; **ут кеүек кызыу** горячий, как огонь; **ут һүндәргес** оплетушитель; **көрәш уғы** пламя борьбы; **мөхәббәт уты** пламя любви; **утка (или утта) кызыныу** греться у огня; **ут яғыу** зажечь, развести огонь 2) пожар; **ут кабыу** загореться; **ут сыкты** возник пожар; **ут төртөү** а) поджечь; б) поджог; **ут ялмап (или солғап) алыу** быть объятим огнём, оказаться в огне 3) свет; **электр уты** электрический свет; **ут үткәрәү** проводить свет 4) *перен.* огонь, обстрел, огненный, огневой; **ут кәртәһе** огненное кольцо, огневая завеса; **ут нөктәһе** огневая точка; **ут асыу** открыть огонь, начать стрельбу; **утка тоттоу** держать под огнём ◊ **ауыҙзан ут сәсеү** говорить горячо, пламенно; **баҫқан ерҙән ут сығарыу** быть энергичным; **ике ут араһында калыу**



оказаться между двух огней; итәгенә ут капкандай суетливо, нетерпеливо; ут бөрсәһе живой, шустрый; ут йотоу сильно переживать (букв. глотать огонь); утка май һибеу подлить масла в огонь; утка һалыу обрекать на страдания; уттай кызыу вакыт горячая пора (обычно страда)

ут II *уст.* трава; күк ут зеленая трава ◊ ағыу уты *бот.* болиголов, блекота, омег; бабасыр уты *бот.* горечавка; болан уты *бот.* кипрей; иван-чай; дөйә уты *бот.* подсекольник, ширица колосистая; кенә уты *бот.* клещевина, касторник; күгәрсен уты *бот.* голубник; карлуғас уты *бот.* чистяк; касак уты грыжник седоватый; сәй уты *бот.* чайот; тилсә уты марьянник полевой; тырнак уты *бот.* ястребинка

Русса-башкортса һүзлектә (Өфө, 2005) шулай ук статья полисемия күренеше нигезендә төзөлгән.

**ОГОНЬ** *м;* в разн. знач. ут; огонь в печи мейестәге ут; развести огонь ут яндырыу (кабызыу); огонь любви гишык уты; огни города кала уттары; открыть огонь ут асыу; линия огня ут һызығы; не человек, а огонь торганы менән ут кеше инде ♦ в огне 1) янып барыу; голова в огне башым янып бара; 2) һуғыш, ут (алыш) эсендә; быть целый день в огне көпо буйы ут эсендә булыу; в огонь и воду (готов, пойду и т.д.) ботәһенә лә әзер (булыу): из огня да в полымя уттан алып һуға ташлау; бер бәләһән котолоп, икенсәһенә әләгеу; между двух огней ике ут араһында; огнём и мечом кырып-үлтереп, ут һәм кылыс менән; бояться как огня уттан курккандай куркыу; играть (шутить) с огнём ут менән уйнау; пройти огонь и воду (и медные трубы) ут-һуу кисеу, доньяның әсәһен-сәсәһән татыу

Ләкин был һүзлектәрҙә мәғәнәләргә аңлатыу башкасарак. Ике һүзлектә лә ут, ялкын (*огонь, пламя*), якты (*свет*), ут, атыш (*воен. огонь*) мәғәнәләре күз уңында тотола. Русса-башкортса һүзлектә *ут* лексемаһының күсмә мәғәнәле булыуы күз уңында тотолған (перен. *страстность, пыл, дарт, сали*).

Ике һүзлектә лә миҫалдар рәүешендә үзенсәлекле әйтемдәр, фразеологизмдар килтерелгән:

*Утка баҗкан бесәй кеүек – Как на горячих углях.*

*Уттай эш вакыты – Пора горячей работы.*

*Уттан курккандай куркыу – Бояться как огня.*

*Көл итеп, кырын-һепереп – Огнем и мечом (пройти).*

*Иылан аягын кысқан булду, донъяның әсеһен-сөсөһөн татыу;  
ут-һыу кисеу – Пройти огонь и воду (и медные трубы).*

Дойом алғанда, без караган һүзлектәрзә *ут* лексемаһының түбәндәге мәғәнәләре тап килә:

- яныузан сыткан әсе ялкын;
- шәм, сырак яктыһы;
- атыш, һуғыш урыны.

«Башкорт теленең диалекттар һүзлегендә «ут» компоненты менән яһалған бер нисә атама бар, улар, нигеззә, йәйге торлакты йәки мал һарайыһның ерле атамаһы булып тора.

*Ут аласығы* (дим, каризел, урта, эйек-һакмар), *ут бурамаһы*, *ут бураһы* (урта), *утйаккыс*, *утйакыс*, *утйагыс* (эйек-һакмар), *ут келәте* (дим), *утлыкса* (дим, ыргыз), *уноһа*, *ут усагы* (тук-соран) – йәйге аш ойо.

*Утлык* (аргаяп, миәс, салйогот, эй), *уттык* (миәс), *уттык* (кызыл, миәс) – малға бесән һала торған кулайлама.

Халык ижадында, язуысылар әсәрзәрендә был һүз бик күп башка күсмә мәғәнә төсмөрзәренә эйә булырга мөмкин. «Ут»тың күсмә мәғәнәлегенә генә икеләнәүзәр, төрлөсә аңлатмалар кабул итә. Башкорт мифологияһында иһә ул төрлө ырым-ышаныу менән дә бәйле. Ф. Ғ. Хисамитдинованың «Башкорт теленең мифологик һүзлегендә түбәндәге һүз формаларында оспрай *ут* компоненты: *ут анаһы*, *ут эйәһе*, *ут ашатыу*, *ут күрше*, *ут теле*, *ут тәңре*, *ут-усак*, *ут-усак йолаһы*, *ут-усак тәңре*, *ут хужаһы*, *ут хәйере*, *ут-һыу*, *ут-әсә*, *ут яңырттыу*, *утка бәрәу*, *уткош*, *утка ташлау*, *утка төкөрөү*, *уткүз әбей*, *утка һөйләу*, *утка яғыу*, *утка дйтәм*.

Шулай итеп, «ут» – күп мәғәнәле лексема, шуға күрә был берәмек бик күп мәкәл-әйтемдәр, нығынған һүзбәйләнештәр составына инеп киткән. Без бындай фекергә боронғо төрки һүзлеген, «Башкорт теленең аңлатмалы һүзлеген», «Хәзәрте

башкорт әзәби теленң аңлатмалы һүзлегә» (Өфө, 2004), Башкортса-русса (М., 1958) һәм Русса-башкортса (М., 1964) тәржемәүи һүзлектәрән күзәтеү һөзөмтәһендә киләбез. М. Капгарри хезмәтендә «ут»тың дүрт аңлатмаһы теркәлгән: *ут*, *үлән* мәғәнәләре хәзерге көнгә тиклем һаҡланған, ә *дарыу*, *күз алмаһы* лексемалары «ут»тың мәғәнәләре иҫәбәндә каралмай. 1993 йылда донъя күргән аңлатмалы һүзлектә «ут» лексемаһының бөтә мәғәнәләре лә иҫәпкә алынған, калған һүзлектәрзә *яныузан сыккан әсе ялхын; шам; атыш, һуғыш урыны* аңлатмалары теркәлгән.

Юғарыла күренеүенсә, «ут» лексемаһы фразеологизмдарза актив кулланыла. Был проблеманы махсус карау урынлы булыр.

Һиндәй генә тел булмаһын, уның фразеологияһы киммәтле лингвистик комарткы булып тора, сөнки унда халыктың тормошто күзаллауҙары, милли мәзәниәте, ышаныуҙары, йолалары, тарихы һәм хыялдары сағылдырыла. Билдәле рус телсәһе Б. А. Ларин күрһәтеүенсә, «фразеологизмдар һәр вақыт ситтән торон халыктың караштарың, йәмғиәт королошон, үз эпохаһының идеологияһын сағылдыралар. Иртәңте ысыкта көн яктыһы һисек күренә, фразеологизмдарзың сағылдырыу көсә лә шулай ук».

Тел ғилемәндә «ут» компонентлы фразеологик берәмектәрзә ойрәнәү биһ кызыклы, сөнки бындай фразеологик берәмектәрзәң һаны ярайһы ук күп, улар ысынбарлыкты образлы кабул итеп, халыктың быуаттар буйына йыйылған тәжрибәһен үзәндә үзәнсәлекле туплаган.

З. Ғ. Ураксиндың «Башкорт теленң фразеологик һүзлеген»дә (Өфө, 2006) «ут» концептына бәйлә 49 берәмек теркәлгән. Шуныһын билдәләп үтергә кәрәк: бәз «ут» концептына караған фразеологик берәмектәр менән бергә паралель рәүештә *оскоп, көл, төтөп, күз, ялхын, усақ* кеүек синоним һүззәр менән яһалғандарын да индереүзә дорәс тип табабыз (мәсәләң, *күзгә баққан бәсәй кеүек*). Шулай ук *яныу, көйвү, кабыныу, токаныу* предикаттары менән яһалған фразеологизмдар ошо ук төшөнсәне бирә ала (*һитәккә ут кабыу*).

«Ут» концептына караган һүзбәйләнештәрҙә йыш кына күз, *иорәк, итәк* лексемалары кабатланып килә. Быны без түбәндәге миҫалдар менән раҫлай алабыз: *эт күзе тоторон белмәҫ* (оялыу, тартыныуҙы белмәгән, һәмһөз кешегә карата); *күзҙән ут күрелнеу* (һуҡҡанда йәки бәрелгәндә күз алдында оскондар оскан кеүек булыу); *итәккә ут кабыу* (ауыр хәлгә төшөү, куркыныс алдында тороу); *итәккә ут капҡандай булыу* (һыҡ ашығып йөрөү, ваҡыт бик тығыз булыу).

*Күңел, ауыз, табан, быуын, күл* лексемалары фразеологизмдарға үҙенсәлекле мөгәнә өҫтәй, улар теманың дөйөмлөгө аркаһында, йәғни кешегә кылыҡһырлама биреү аша, ошо уҡ рәтгә каралалар: *кырк быуынынан турап утка һалһаң да үс капмаҫ* (бик һыҡ асыуҙы килтергән кешегә карата йән әсеу менән әйтелә); *табандан ут сығыу* (көслө дәрәжә күрһәтәһен, яһып тороу); *кулда ут уйнау* (дәрәжә ташып тороу).

*Кау аҫтына ут төртөү* (кешеләр араһын аҫтан ғына болартыу, бозоу); *үлән аҫтына ут ебәрәү [йүгертеү]* (йәшерен дошманлыҡ итеү); *һалам аҫтынан ут иоротоу [тортоу]* (йәшерен рәүештә ғәйбәт, һасар һүз ебәрәп, кешә араһын бозорға тырышыу) кеүек һығынған һүзбәйләнештәрҙә лә мөгәнә дөйөмлөктәре һөзөмтәһендә берләштерәп карарға мөмкин.

Мәкәл-әйтемдәрҙәге кеүек үк, «ут» компонентлы фразеологик берәмектәрҙә лә ут менән һыуға бәйлә миҫалдар бар: *уттан алып һыуға һалыу* (бик ауыр кисерептәртә дусар итеү); *ут-һыу кискән* (бик күп күргән, күптә кисергән); *утка ла, һыуға ла инергә әҙер булыу* (кыйыулыҡ кылырға ашкынып тороу).

«*Утка баҫтырыу*» һүзбәйләнешпә йыш кабатланыусан: *утка баҫқан бәсәй һымак* (сәбәләһен тегеләй-былай йүгерекләү, сабыу), *утлы (кыҙған) табаға баҫтырыу* (бик каты тиргәү, кыҙзырыу), *баҫқан ерҙә ут (оскон) сығарыу* (бик ғәйрәтлә, үткер, сая).

«Ут» компонентлы фразеологик берәмектәрҙең һигезендә гипербола алымы йәки саманан тыш арттырып һүрәтләү ята: *ут йөтөү, ут әсеу, ут-һыу кискән, утка һалыу, баҫқан ерҙә ут сығарыу*. Тимәк, без караған һығынған һүзбәйләнештәр күсмә мөгәнәләлек һигезендә барлыҡта килгәндәр.

Академик З. Ф. Ураксиндың һүзлегендә «ут» концептына әзәби әсәрзәрзән бик күп миҗалдар тупланған: *Быт бит беткә асыу итеп тунныңды утка ягыу* була (Н. Дәүләтшина); *Кан илаткан был түрәләрең кырк быуынынан туран утка һалһаң да үс канмаҗ* (Т. Хәйбуллин); *Ул таузар араһынан мине кыркмаһа кырк урядник килеп, аяз көндө сыра яндырып элһәләр зә, таба алмаясактар* (Ж. Кейекбаев). Был миҗалдар «ут» компонентлы фразеологизмдарзың байлығын, телмәрзә актив кулланылыуын раҗлай.

«Башкорт теленең фразеологик һүзлеге»ндә (Өфө, 2006) «ут» компонентлы фразеологик берәмектәрзә йышлык буйынса түбәндәге һүззәр кулланыла: *ут* (30 берәмек), *көл* (6), *төтөн* (6), *уһак* (2), *ялһын* (2), *сыра* (2), *һуз* (2), *һам* (1).

Ошо ук хезмәт буйынса «ут» компонентлы фразеологизмдарзы шартлы рәүештә түбәндәге тематик төркөмдәргә бүлеп карарға мөмкин.

1. Кешегә кылыкһырама биреү: *ауызһан ут сәсеү* (сәсрәтеү); *баһқан ерзә ут* (оскон) *сыгарыу*; *кулда ут уйнау*; *таһандан ут сыгыу* (сыгарыу); *төтөнө баһка*; *төтөнө тура йөрөй* (сыга); *ут-һыу кискән*; *һәр кем үз күмәһенә көл тарта*; *эт күзе төтөн белмәҗ*; *усагының төтөнө тура сыга*; *ут бөрсәһе кеүек*; *утка ла, һыуға ла инергә әзер булыу*; *ут сәсеү*.

2. Кешенең психик хәлен тасуирлау: *беткә үс итеп тунды утка ягыу* (кешегә үпкәләп үзең каршы эһләү); *ике ут араһында* [калыу, булыу]; *итәккә ут төшөү* (ауыр хәлгә төшөү); *йөрәккә ут һалыу*; *йөрәк ялһыны*; *йөрәк яһыу*; *утһан аһын һыуға һалыу*; *үпкәгә ут каһыу*; *ялһын йотуу*; *күңелгә ут һалыу*; *һузға баһқан бесәй кеүек*; *утка һалыу*; *утка беһкәндәй*; *ут йотуу*.

3. Кешенең физик хәлен тасуирлау: *көлө күккә оһу*; *итәккә ут һанһандай булыу*; *күззән ут күрәһеү*; *төтөн сыгарыу* (үз аллы йәшәп ятыу); *ут аһыу*; *утка баһқан бесәй һымак* [кеүек, һикелле].

4. Кешеләр араһында булған кире мөнәсәбәттәрзә сағылдыру, был оһракта күбәһенсә кире мәғәнә төһмөрзәре сағыла: *көлөн күккә оһоруу*; *күзгә көл һибәү* (алдау); *күзгә төтөн ебәреү*; *һау аһтыһа ут төрттөү*; *һузын һузһатыу*; *үлән аһтыһан ут ебәреү*

[йүгертеү]; *һалам астынан ут йөрөтөү [тортөү]; утлы [кызган] табага бастырыу; ут өстөнә май һибөү.*

5. Әзәр мәкәл-әйтемдәр рәүешендә кулланылған фразеологик берәмектәр: *аяз көндө сыра [ут] яндырын эзләһәң дә таба алмаһың; көндөз сыра [шам, ут] яндырын эзләһәң дә таба алмаһың; көтә-көтә көтөк [көл] булыу; карама көлө һибеп калыу; кырк быуынан турап утка һалһаң да үс канмас; уттай эш ваҡыты.*

Күренеүенсә, башкорт телендә «ут» компонентлы фразеологизмдар бик күп. Был нығынған һүзбәйләнештәр үззәренең үзенсәлектәре, бай мәғәнә төсмөрзәре менән айырылып тора. «Ут» һүзенә параллель рәүештә *уаҡ, көл, төтөн, сыра, шам, оскон, яҡын лексемалары, шулай ут яныу, кызыу, бөшөү* кеүек предикагтар, *көлө күккә осоу, ут һалыу, ут сәсөү* һ. б. йыш кабатланған һүзбәйләнештәр ошо мәғәнә төсмөрөнә эйә һәм «ут» концептында каралырға мөмкин.

«Ут» лексемаһының башкорт мәкәл һәм әйтемдәрендә кулланылыу үзенсәлектәрен асыклау максатында М. Х. Әхтәмовтың «Башкорт халыҡ мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлегенә» (Өфө: Китап, 2008) морәжәғәт итәйек. Ғалим *ут* лексемаһына бәйлә 118 афористик статья тәқдим итә. Һүзлек һуңында һүззәрҙең кулланылып йышлығын да күрһәтә. Теркәлгән мәкәл һәм әйтемдәр составында «ут» һүзе 119 тапкыр кулланыла. «Ут» концептының мәкәлдәр составындағы мәғәнәүи үзенсәлектәре шулай ук бик күп төрлө. Был, әлбиттә, «ут» лексемаһының күп мәғәнәлә булыуына һәм халыҡ тормошонда зур роль башкарыуына бәйлә.

Тикиперенеүзәр һөҙөмтәһендә түбәндәге тематик төркөмдәрҙе күрһәтергә мөмкин:

1. Күп мәкәлдәр уттың стихиялы көс булыуын таныуға, уның алдында кешенең көсһөзлөгөн раһлауға кайтып кала: *берәүҙең әжәлә уттан, берәүҙекә – һыузан; бурзан кала, уттан калмай; кызы кызытма – кудың бөшөр: өстөңә уты төшөр; ергә төшкән гөл булыр, утки төшкән көл булыр; уты һүһнә лә киһәүе кала.*

2. Күп осрақта ут күсмә мәғәнәлә кулланылып, кеше тормошонда осраған ауырлыҡтарҙы, һуҙа күрөүҙә сағылдыра: *әсең*

тулы ут булһа ла, кеше алдында «уф» тимә; кем итәгенә ут төшһә, шүпәжы яна.

3. Хужалык мәсьәләләре менән бәйлә мәкәлдәр: кунак кайза, кот шунда, казан кайза – ут шунда; бейә һаумак – ут йотмак, кымыз бешмәк – иән сыкмак.

4. Кешегә кылыкһырлама биреү: егет булһа, мут булһын, ике күзе ут булһын; беткә үсеген тунын утка яккан; тышы – ут, әсе – мут; уңған кулда ут уйнай; уңған кеше басқан ерендә ут сыгара; уңмагандың уты янмас; утка барған катындың утыз ауыз һүзе бар; кыз сагында – кызыл ут, катын булгас, кәзере юк.

5. Мөхәббәт теманы: гишык тотоу – ут йотоу; мөхәббәт уты майһыз за яна; мөхәббәт уты тамук утынан ете өлөш артык булыр, ти.

6. Ғайлә проблемаларына бағыпланған мәкәл һәм әйтемдәр зә бар: ир менән катын араһына ингәнсе, ике ут араһына ин; ирле кеше изел кискән, ирһеҙ кеше утка төшкән; алтын ирең атыңа тейһә, алтынны ал да утка як; ут асыуын – табанан, ир асыуын – баланан; катын оҫтонә катын – ут оҫтонә утын.

7. Уттың үзенә кылыкһырлама биреү: ут – мут; уттың ялы ла, койрого ла юк; мәңге һүнмәс ут булмас.

Мәкәлдәрзә ут стихия буларак һыуға каршы куйыла, улар араһындағы капма-каршылык һызык өҫтөнә алына: ут һыу менән уйнамас; ут менән һыузы бергә кушып булмай; ут та бәлә, һыу за бәлә, ут менән һыу булмаһа, тағы ла бәлә; ут сыкканда һыу булмай; ут менән һыу – телһеҙ яу.

Мәкәлдәрзең күбеһендә «ут» лексемаһының мәғәнәһе уның көслә, кеше баш була алмас стихия икәнлегенә кайтып кала: ут койзәрә төшкән ерен, яу койзәрә тоткан ерен; ут сыкканда һыу киммәти; энә осо хәтле ут – тубал зурлығы төтөн. Өй йылыһы, кешегә хезмәт итеүсе буларак аңлатыу: яу килә тиш азыкты ботормә, ил күсә тиш утыңды һүндермә; әт өргән ерзә ауыл бар, ут күренгән ерзә фатир бар; мейескә ут керзе – өйгә кот керзе. Шулай ук тормошта осраған ауырлыктарзы, кыйынлыктарзы ла аңлатып килә: суд эше – ут эше; которған бүре утка керер; әсең тулы ут булһа ла, кеше алдында «уф» тимә.

Шулай итеп, *ут* лексемаһы мəkәл һәм әйтемдәрҙә бик йыш кулланыла, кеше менән бәйлә негатив һәм ыңғай мөгәнәләрҙе сағылдыра. Ут күп осрактарҙа куркыныслы, зур көскә эйә стихия рәүешендә һынлана. Утка капма-каршы рәүештә һыу лексемаһы ла кулланылыусан. Дидактик мөгәнәлә, табу дәрәжәһенә еткерелгән мəkәлдәр ҙә байтак (*һыу менән уйнама – батырһың, ут менән уйнама – янырһың*). Ут – йорт кого, ул – яқтылык бирсүсе, кешегә бөшөрөнөү мөмкинлеген бирә, шуға ла уның кәзерен белгәндәр (*Ас кешегә ут йәм, таз кешегә бүрек йәм*). Башкорт телендә «ут» компонентын өйрәнөү һиндәйҙер дәрәжәлә халкыбыҙға ғына хас үзенсәлектәрҙе лә күрһәтә.

### Кулланылған әҙәбиәт

1. Башкорт теленең диалекттары һүзлеге. – Өфө, 2002.
2. Башкортса-русса һүзлек. – М., 1996.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
4. Русско-башкирский словарь. Т.1. – Уфа, 2005.
5. Ураксин З. Г. Башкорт теленең фразеологик һүзлеге. – Өфө, 2006.
6. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М., 2010.
7. Хәҙерге башкорт әҙәби теленең аңлатмалы һүзлеге. – Өфө, 2004.
8. Әхтәмов М. Х. Башкорт халык мəkәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. – Өфө, 2008.
9. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.



## КОНЦЕПТ «ГОРА» В ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА БАШКИР

Г. Р. Хусаинова

Фольклорная картина мира как одно из воплощений культурной картины мира того или иного этноса совмещает в себе черты концептуальной и языковой картин мира. Своеобразие фольклорной картины мира обуславливается особым мировидением этноса, которое создается путем преломления мифологических и этнографических элементов через специфическую фольклорную систему шифров посредством обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык символов, язык поэзии.

В фольклорной картине мира традиционная культурная информация воплощается в концептах, образующих специфическую фольклорную концептосферу. Каждый жанр фольклора обладает собственной концептосферой, причем, как отмечают исследователи, содержания одноименных концептов имеют отличия в разных жанрах [14: 37]. Рассмотрим это на примере концепта «гора» в башкирском фольклоре.

Природа занимала важное место в жизни башкира, поэтому получила яркое отражение в его фольклоре. Из песен, сказок, пословиц и поговорок видно, как он любил, ценил родную землю и призывал оберегать ее. Особое значение в фольклоре придавалось горам. Почти в каждой местности существовала своя гора, но главной для башкир всегда оставалась гора Урал, символизирующая родную землю.

Для башкир, живущих на Южном Урале, Урал был не только родиной, но и источником жизни. Испокон веков на Урале башкир охотился, собирал ягоды, лечебные травы и корни, кочевал, занимался скотоводством, косил сено, рубил дрова. И сегодня в народе часто можно услышать такие известные всем выражения: «Урал бесэне тэмле. һутлы була» 'трава Урала вкусная, сочная', «Урал бесэненэн яхшыһы юк» 'лучше уральского сена нет', «Урал бесэне йомшак була, мал уны яратып ашай» 'трава Урала мягкая, скотина ее очень любит', «Урал бесэнен ашаган

малдың ите тәмле була» 'у скотины, питавшейся уральской травой, мясо вкусное' и т.д. Это говорит о том, что башкир в своем быту с Уралом связан очень крепко.

В башкирской мифологии известен персонаж Тау эйһе «Хозяин горы». В народном сознании «хозяин» ассоциировался в некоторой степени с силой, несколько пугающей обычного человека. В народе существовал запрет беспокоить, злить, тем более убивать «хозяина» (дома, горы и других объектов) («...эгәр йорт янында йылан күрһәң, үлшөрмә, үл йорт эйһе булар» 'если увидишь змею возле дома, не убивай, она может быть хозяином дома'). Например, в легенде «Гора Югамаш» хозяевами горы являлись утка и селезень. Когда охотник застрелил утку, селезень упал и разбился об скалу. А гора Югамаш, потерявшая хозяина, постепенно уходит под землю [6: 50]; следовательно, если лишить гору хозяина, то она может исчезнуть с лица земли. Нерушима вера в наличие хозяина у природных явлений и соблюдение запретов, связанных с природой (нельзя бросать мусор в реку; нельзя рубить одинокое дерево; на природе без причины нельзя кричать, шуметь; без разрешения хозяина нельзя копать землю, хозяин может рассердиться и др.); в определенной степени все эти запреты имели экологическое значение.

О возникновении главных гор башкир (Урал, Иремель, Кырыкты, Ямантау, Янгантау) повествуется в эпосе и сказке «Уралбатыр» [7: 100; 125; 131; 136]. Эти горы считаются в народе самыми древними горами, неслучайно сказки начинаются со слов «В древние-древние времена у подножия горы Урал жили старик со старухой» [4: 81; 5: 286]. В эпосе «Заятуляк и Хыухылыу» упоминаются горы Кашкатау и Балкангау [7: 189; 196], в сказке «Кукушка» – гора Армет [2: 217].

Своеобразную гипотезу о возникновении гор можно увидеть в сказках: провинившегося героя привязывают к хвосту кобылы, и та тащит его по земле: «Баши, аркаһы тейгән ерзә тауҙар барлыкка килгән» 'на месте, где голова, спина коснулись земли, возникли горы' [12: 129], «Аркаһы тейгән урындарҙа тау һыртты барлыкка килгән» 'на тех местах, которых коснулась спина, образовались горные хребты' [8: 343].

О горах башкирский народ сложил немало песен, например, «Урал», «Гора Ямаликай», «Иремель» [1: 44-47; 51-52; 72-73].

Мы уже упоминали о том, что в башкирских сказках горы используются в понятии географического пространства («В древние-древние времена у подножия горы Урал жил старик...»). Из сказок видно особое отношение башкир к горам, которое можно считать даже своеобразной философией. Башкиры считают, что Уральские горы являются связующим звеном между человеком и Вселенной, и поэтому про Урал говорят «Ер кендеге» 'Пушок земли'. Герой сказки поднимается на гору и находит там богатство [5: 286-289], встречается там с будущей женой, братьями, а иногда и с врагами [4: 34; 161; 194; 213]; а за горой герой иногда обнаруживает красивый мир или даже рай. Место за горой притягивает героя своей таинственностью. В сказках оно представляется как очень далекое («Самригуш жил за Кафтау»), опасное (дэв, аждаха или иргаиль «живут за Кафтау»). Туда уносят похищенных девушек [4: 250] или даже главного героя, как, например, в сказке «Уральская вода» [2: 169].

В сказках гора обладает и символикой препятствия. В сюжете АТ 313 («Чудесное бегство») герой в целях избавления от преследующего его мифического персонажа бросает позади себя волшебный предмет, на месте которого появляются непроходимые скалы или горы («...когда бросил точило, образовалась высокая до небес гора») [2: 185; 194], которые задерживают на некоторое время преследователя героя.

Слово «гора» в сказках используется и в качестве сравнения, гиперболы: «человек величиной с гору» [3: 163; 4: 165]; «кости величиной с гору» [4: 230]; «дэв большой, как гора» [4: 251]; «дубинка – гора, сам – гора» [4: 42] и др.

Привлекает также внимание то, что одним из трех традиционных помощников или спутников героя является Гора-богатырь. Этот герой символизирует силу: «Гора-богатырь ходит и переворачивает горы» [4: 114]; «Гора-богатырь переставлял горы с места на место» [4: 130; 137] и т.д.

В горах башкир нас скотину и считал, что «горная трава – жесткая и питательная». Хороша на горе святых, верил, что топтать могилу не будут, ибо на горе мало людей ходит. Но это уже тема для отдельного исследования. В Башкортостане очень много гор, где похоронены святые [8: 122-131]. А, как считает народ, «места, где похоронены святые, беда обходит стороной» [11: 85]. Горные башкиры местом проведения сезонно-временных праздников типа «Кукушкин чай», «Катание яйца с горы» и даже «Сабантуй» всегда выбирали гору или подножие горы. Молодежь раньше на вечеринки любила ходить на гору, не зря во многих местах имеется такое название, как «Девичья гора».

В народном сознании гора как природный объект символизирует постоянство, т. к. не меняет своего местонахождения. Это особенно ярко отражено в пословицах: *Тау менән тау орашмаһа ла, кеше менән кеше ораша* «Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдутся». Гора также олицетворяет далекое будущее: *Хыял-максат – тау артында, балә-каза – шеш артында* «Думы – за горами, а беда – за воротами»; величину: *Таузай талабың булгансы, энәлай яуабың булһын* (букв. «Требование величиной с гору») или *Кырыскалар зур түгел, күмәкләшеп тау актара* «Муравей не велик, а горы копают»; величие: выражение «Пал мужчина, подобный горе» подразумевает не только рослого, крепкого телосложения мужчину, но и авторитетного сына народа; за словами «великие люди живут высоко» также подразумевается, что жизнь видных людей интересна людям и что они должны быть примером во всем. Об авторитете, силе отца говорится в пословице «Умер отец – горопора ушла из-под ног, умерла мама – родник, из которого пьешь, высох» (*перевод наш, дословный – Х. Г.*): здесь отец уподобляется горе.

«В паремическом фонде встречаются и пословицы-приметы», – верно указывает Э. М. Созинова [15: 52]. Гора упоминается в пословицах-приметах горных башкир: «Склон горы откроется – снег долго не пролежит» [9: 11]; «Глядя на гору Кашкатау напротив, определяем, быть дождю или нет», «Если

туман поднимется с места чуть ниже вершины горы Кашкатау – обязательно будет дождь» [13: 62] и т.д.

Таким образом, мы показали своеобразие фольклорной картины мира башкир на примере концепта «гора» в разных жанрах его устного творчества.

### Литература

1. Башкирское народное творчество. Песни. Книга первая / Сост., автор предисл. и коммент. С. Галин. Отв. ред. тома К. А. Ахметьянов. – Уфа, 1974. – 388 с. (на башк. яз.).

2. Башкирское народное творчество. Сказки. Книга первая. / Сост. М. Х. Мингажетдинов и А. И. Харисов. Автор предисл. М. Х. Мингажетдинов. Авторы коммент. Л. Г. Бараг и М. Х. Мингажетдинов. Отв. ред. тома К. А. Ахметьянов. – Уфа, 1976. – 376 с. (на башк. яз.).

3. Башкирское народное творчество. Сказки. Книга вторая. / Сост. М. Х. Мингажетдинов и А. И. Харисов. Автор предисл. М. Х. Мингажетдинов. Авторы коммент. Л. Г. Бараг и М. Х. Мингажетдинов. Отв. ред. тома К. А. Ахметьянов. – Уфа, 1976. – 376 с. (на башк. яз.).

4. Башкирское народное творчество. Сказки. Книга третья. / Сост. Н. Т. Зарипов, М. Х. Мингажетдинов. Автор предисл. Н. Т. Зарипов. Авторы коммент. Л. Г. Бараг и Н. Т. Зарипов. Отв. ред. тома А. И. Харисов и Г. Б. Хусаинов. – Уфа, 1978. – 352 с. (на башк. яз.).

5. Башкирское народное творчество. Сказки. Книга четвертая. / Сост. и автор предисл. А. М. Сулейманов. Авторы коммент. Л. Г. Бараг и А. М. Сулейманов. – Уфа, 1981. – 400 с. (на башк. яз.).

6. Башкирское народное творчество. Легенды и предания / Сост., автор предисл. и коммент. Ф. А. Надршина. – Уфа: Китап, 1997. – 440 с. (на башк. яз.).

7. Башкирское народное творчество. Эпос. Том 3 / Сост. А. М. Сулейманов. Авторы послесловия А. М. Сулейманов и Р. Ф. Ражапов. Авторы коммент. М. М. Сагитов и А. М. Сулейманов. – Уфа, 1998. – 390 с. (на башк. яз.).

8. Башкирское народное творчество. Том IV. Волшебные сказки / Сост. Н. Т. Зарипов. Вступит. статья и коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Отв. ред. тома Л. Г. Барага. – Уфа, 1989. – 512 с.

9. Религиозные и мистические легенды и предания башкир / Авт.-сост., предисл., примеч. Ф. Ф. Гайсиной. – Уфа, 2013. – 144 с. (на башк. яз.).

10. Материалы фольклорной экспедиции 2011: Учалинский район / Сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева. – Уфа, 2012. – 156 с. (на башк. яз.).

11. Хусаинова Г. Р. Образ Зайнуллы Расулева в современном башкирском фольклоре (по материалам академических экспедиций последних лет) // Мусульманский мир Российского Востока: традиции и новации: Материалы Международного научно-практического симпозиума, посвященного 180-летию со дня рождения шейха Зайнуллы Расулева 13-15 мая 2013 г. Уфа-Учалы / Сост. Г. Б. Азамагова, Л. Ф. Тагирова, М. Н. Фархипатов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – С. 82-86.

12. Хусаинова Г. Р. Отражение мифологических воззрений в башкирской народной сказке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 71. 32. – 2012. – С. 126-129.

13. Материалы фольклорной экспедиции – 2009: Бурзянский район / Сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова. – Уфа, 2011. – 208 с. (на башк. яз.).

14. Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – 216 с.

15. Созинова Э. М. Общее и специфическое в паремиях-эквивалентах (на материале башкирского, русского и английского языков). – Уфа: Гилем, 2010. – 204 с.

## О КОНЦЕПТЕ «ЧЕЛОВЕК» В БАШКИРСКИХ ПАРЕМИЯХ

Г. Н. Ягафарова

Пословицы и поговорки народа очень ярко выражают отношение человека к окружающей действительности, передают мироощущение того или иного народа. Лаконичные по форме, емкие по смыслу, паремии по праву именуется сокровищницей народной мысли. Именно паремиям свойственно характеризовать как отношение человека к окружающему миру, так и к самому себе. Поэтому одно из значительных мест в паремиологическом фонде занимают пословицы и поговорки о человеке. В данной статье мы проанализируем концепт человек в башкирских паремиях, содержащих слова *кеше*, *азам*, *бәндә*. Материалом исследования послужили пословицы и поговорки, собранные в томе «Башкирские пословицы и поговорки» серии «Башкирское народное творчество» (Уфа: БКИ, 1980. 472 с.), где представлено около 13 000 паремий народа. При анализе мы будем следовать алгоритму лингвокогнитивного исследования, выработанному Воронежской школой лингвоконцептологии [1].

*Языковые средства объективации концепта «человек» в башкирском языке.*

Концепт объективируется в языке, в языковой действительности через определенные языковые средства. В башкирском языке концепт «человек» передается словами *кеше* (общетюркское *kişi*), *бәндә* (персидское *بندہ*), *азам* (арабское *أدم*), *инсан* (арабское *إنسان*), *шахес* (арабское *شخصی*), рядом слов, выражающих половозрастные признаки и родственные отношения, социальную принадлежность: *катын*, *ир*, *ага*, *ага-эне*, *агай*, *азамат*, *апа*, *апай*, *мулла*, *галым* и др., субъективированными причастиями и прилагательными типа *акыллы* 'умный', *йүнһез* 'нерадивый', *эшлекле* 'деловой', *эшһез* 'бездельник' и т. д., выражающими какие-либо качества человека, а также различными метафорическими наименованиями, например, *айыу* 'медведь – о неуклюжем

человеке', *төлкө* 'лиса – о хитром человеке' и др. С другой стороны, все паремнологическое богатство языка призвано раскрыть внутренние и внешние качества человека, поэтому, если брать шире, все пословицы и поговорки, равно как и все лексическое богатство языка, о человеке и для человека, т.е. так или иначе касаются концепта «человек». (Интересно отметить, что в известном многотомнике «Антология концептов» (Волгоград, 2005-2011), где представлены наиболее значимые концепты, исследованные на уровне диссертационных работ, концепт «человек» отдельно не рассматривается, имеются лишь исследования концептов «женщина» и близкие по тематике «народ» и «семья»). Как видим, по соотношению концептов понятие «человек» относится к группе концептов, составляющих отдельные концептосферы, поэтому номинативное поле концепта «человек» очень велико, в силу этого мы сознательно отграничили материал данного исследования лишь теми пословицами и поговорками, которые непосредственно называют и содержат в своем составе слова *кеше*, *азам*, *бәндә*. Подобный анализ, на наш взгляд, позволит первично систематизировать существующее разнообразие пословиц и поговорок о человеке, выявив основные признаки и семантические координаты. Опираясь на них, в дальнейшем можно будет проанализировать весь пословичный фонд.

Семантически слова *кеше*, *азам*, *бәндә*, *инсан*, *шахес* синонимичны, однако в составе паремий очень активно используются первые два слова, между тем как слова *инсан* и *шахес* не встречаются вовсе: *инсан* является устаревшим книжным словом, *шахес* чаще применяется в литературных научных текстах. Лексема *бәндә* имеет три значения: 1) раб; 2) божий человек, раб божий; 3) пренебр. человек. В пословицах преимущественно актуализируется 2-е значение: *бәндә һошләр, тәкдир колор* 'человек говорит, судьба смеется', *бәндәне ризык йөрөтә* 'человека водит пицца'.

Слова же *кеше* и *азам* довольно легко дублируют друг друга в пословицах, что говорит об их семантической идентичности: *кеше / азам күрке – йөз* 'краса человека - лицо'; *кеше / азам белгәнән*



укыр, тауыж күргәнән сукур 'человек твердит то, что знает, курица клюет то, что видит'; кеше / азам менән кеше / азам араһы – ер менән күк араһы 'между людьми – пропасть, как между небом и землей'. Однако следует признать, что в семантическом плане слово *кеше* значительно шире, чем слово *азам*, поэтому и участвует в составе самых разнообразных паремий. Связано это с тем, что исконное *кеше* более нейтрально. В толковом академическом словаре башкирского языка выделено 7 значений данного слова: 1) человек как разумное существо; 2) человек, лицо как пумеративное слово; 3) человек как представитель какой-либо общности, группы; 4) человек как личность, отдельный индивид с присущими ему определенными нравственными и моральными качествами; 5) люди; 6) чужак; 7) в башкирской мифологии: созданное Аллахом по своему подобию существо [2]. При этом в паремиях наиболее ярко раскрываются 4-е и особенно 6-е значения: 4) *кызым – кыз кеше, килер йөз кеше, алыр бер кеше* 'за дочерью придут сто человек, уведет один'; *егет кешегә етмеш төр-лө һөнәр зә аз* 'джигиту мало знает даже 70 видов работ'; 6) *кеше кайғыһы төштән һуң* 'чужие заботы – после обеда'; *кеше малы тирсел, кеше кейеме керсел* 'чужой скот быстро потеет, чужая одежда маркая' и др. Слово *азам* в толковом словаре имеет всего два значения: 1) человек как разумное существо; 2) человек как личность [3]. Отсюда становится понятно, почему слово *кеше* имеет значительно больше словоупотреблений в башкирских паремиях. Вместе с тем мы обнаружили одну особенность, не зафиксированную в словарях: слово *азам* в отдельных случаях выражает и некоторое пренебрежительное отношение к субъекту высказывания, имеет некий стилистический оттенок уничижительности сродни 3-му значению слова *бәндә*. В пословицах также можно увидеть отражение этого: *әрһез азам һимерер* 'непривередливый растолстеет', *яман азам ялаган булыр* 'плохой человек будет подлизой'. Эти пословицы используют слово *азам*, не связаны с *кеше*. Следовательно, необходимо в толковом словаре ввести соответствующее значение к слову *азам* со стилистической пометой «пренебрежительное». В данном случае оправ-

дывается тезис о том, что концептологические исследования позволяют во многом уточнить словарные дефиниции [1: 32].

Таким образом, концепт «человек» в паремиологическом фонде башкирского языка объективируется, прежде всего, через лексемы *кеше* и *азам*, которые во многом являются идентичными. Ключевой же лексемой данного концепта является слово *кеше* как наиболее нейтральное, общее по смыслу слово. Кроме того, остальные синонимы (*азам*, *бәндә*, *инсан*, *шахес*), будучи заимствованными словами, закрепились в языке под одним определенным значением (хотя в языке-источнике имеют другие значения). Исконное *kiši* в древнетюркском языке обозначало два понятия: 1) человек, человеческий и 2) жена [4: 310]. Первоначально оно называло человека в общем смысле, в основном о мужчине [5: 527], что подтверждается паремиологическим материалом (в пословицах под словом *кеше* чаще подразумевается мужчина, так как патриархальная ортодоксальная башкирская семья главой семьи, а значит, основным человеком в доме всегда считала мужчину). С приходом заимствования из арабского языка лексемы *азам* (слово *adam* у тюрков появилось с введением ислама, выступая как общее обозначение рода человеческого, а также конкретного его представителя [5: 528]) слово *кеше* в ряде языков приобрело дополнительные значения (к примеру, значения 'гость', 'чужой человек'), а также стало сочетаться с другими словами, став уточняющим словом: *tīši kiši* 'женщина' [4: 563]. Более того, в башкирском языке оно свободно сочетается со всеми другими словами, обозначающими родство и свойство: *катын кеше* 'женщина, досл. женщина-человек', *бала кеше* 'ребенок, досл. ребенок-человек', *малай кеше* 'мальчик, досл. мальчик-человек', *кыз кеше* 'девочка, девушка, досл. девочка-человек', *ир кеше* 'мужчина, досл. мужчина-человек', а также профессию: *укытыусы кеше* 'учитель, досл. учитель-человек'. Примечательно, что такое словоупотребление свойственно тюркским языкам западной группы (башкирскому, татарскому) в отличие, например, от языков южной группы (например, турецкого языка).

В количественном отношении из слов *кеше* и *азам* также превалирует первое слово: в паремиологическом фонде башкирского языка слово *кеше* 'человек' по частотности стоит на третьем месте после глагола *бул* - 'быть' и союза *менән* 'и', встречаясь 759 раз в 609-и пословицах и поговорках; слово *азам* - на 91-ом месте, встречаясь 104 раза в 94-х пословицах и поговорках [6].

#### *Анализ семантики ключевого слова.*

По степени освоенности концептов данной лингвокультурой концепт "человек" относится к традиционным (в противовес новым). Он строится на основе лексического значения ключевого слова, его номинирующего, и относится к многоуровневым сложным концептам. В его состав входят более узкие по тематике, но не менее емкие по объему самостоятельные концепты. К примеру, в работе кумыкского исследователя Ж. А. Сулаевой [7] семантическая группа «Человек» в кумыкском языке подразделяется на следующие разделы: «Место человека в коллективе»; «Мужчина и женщина»; «Счастье, судьба»; «Богатство и бедность»; «Семья. Термины родства»; «Дружба». Мы в структуре исследуемого концепта выделяем нескольких смысловых уровней: человек - мужчина, человек - женщина, человек - ребенок, человек - обладатель определенной профессии, человек - обладатель каких-либо внутренних, душевных качеств и т. д. Каждый из них требует подробного изучения как в отдельно взятом языке, так и в сопоставительных работах. В данной статье мы постараемся проанализировать семантическую составляющую ядерной лексики изучаемого концепта - *человек*, заключенную в пословицах.

В башкирских паремиях под словом *кеше* подразумевается сразу несколько значений.

1. Человек - живое существо, в отличие от животных: *кеше - кешегә иш, хайуан - хайуанга иш* 'человек под стать человеку, животное - животному'; *ат үләр - тоягы калыр, азам үләр - даны калыр* 'конь погибнет - останутся копыта, человек погибнет - останется слава'.

2. Человек – разумное существо: *кешенең һүзе – акылының бизмәне* ‘слово человека – мера его ума’.

3. Человек – общее обозначение рода человеческого: *кеше ауырлыкка түзә, рәхәткә сызай алмай* ‘человек снесет тяжесть, но не выдержит хорошее’, *кеше башын кеше ашай* ‘человека губит человек’.

4. Человек – не я, чужой, чужак: *кешегә ям казыма, үзең төшөрһөң* ‘не рой другому яму, сам в нее попадешь’, *кеше кулы менән ут тотма* ‘не загребай жар чужими руками’.

5. Человек – посторонний человек: *каты тунды туным тимә, кеше улян улым тимә* ‘не называй шубой жесткую шубу, не называй своим сыном не своего сына’.

6. Человек с присущими ему человеческими качествами, человечностью: *кешенең кешелеген кыйынлык килгәндә белерһең* ‘человечность человека узнаешь в тяжелые времена’.

7. Человек – настоящий, полноценный человек: *мең көн күлгә булып йөрөгәнсе, бер көн кеше булуың якшы* ‘чем ходить тысячу дней тенью, лучше быть один день человеком’.

8. Человек – существо общественное, человеку нужен только человек: *кешенең дарыуы – кеше* ‘лекарство человека - человек’.

9. Человек как представитель определенной культуры, навыков. Как свойственно для всего российского менталитета, в башкирских пословицах проявляется в основном крестьянский менталитет: *булган кешенең көргә лә утын кисер* ‘у настоящего человека и лопата рубит дрова’.

Таким образом, ключевое слово изучаемого концепта семантически можно разбить на более мелкие семы, из которых будет складываться его общее значение.

При анализе семантических признаков ключевой леммы, распредмечивающих концепт «человек» в башкирской пословичной картине мира, были обнаружены следующие бинарные оппозиции.

Оппозиция «свой-чужой». В пословицах о человеке наиболее ярко противопоставляются понятия «свое-чужое», «свой-чужой», акцентируются понятия *чужой ребенок, чужое имущество,*

чужое счастье, чужой ум, чужой рот, чужой хлеб, чужие слова, чужое горе, чужие промахи, чужая сторона: кешенеке – кештәктә, үзәндеке – үзәктә ‘чужое горе – на полке, свое – в центре’; кеше кайгыһны – төштән һуң ‘чужое горе – после обеда’; кеше баләһен кеше күтәрмәс ‘чужое горе не поднимет другой человек’; кеше балаһы – кешән дә тышау, үз балаң – үзәк тә бауыр ‘чужой ребенок – пути, свой ребенок в печенках (в душе)’ и др.

Оппозиция «умный – глупый». Непременным качеством настоящего человека является наличие ума, умный: акыллы кеше алданмаҫ та, алдатмаҫ та ‘умный человек не обманется и не обманет’; акыллы кешенең һүзе алдан йөрөр ‘у умного человека слово ходит впереди’; акыллы кош канатын һаклай, акыллы кеше һүзен һаклай ‘умная птица бережет крылья, умный человек бережет свое слово’. Как представляется, умный человек – это человек с головой: башлы кеше ташты аш итер ‘умный человек (досл. человек с головой) из камня приготовит еду’. Сема «умный» тесно связана с понятием «образованный»: белемле кеше күккә ашыр ‘образованный человек воспарит к небесам’, белемле кеше югалмаҫ ‘образованный человек не пропадет’. Умный человек также не будет кичиться своим умом, высокомерие ему чуждо: үзен югарыга һанаган – түбән кеше, үзен түбән һанаган – акыллы кеше ‘тот, кто считает себя выше других – низкий человек, кто себя считает низким – высокий человек’ (духовно).

Глупый: акылһыз кеше алтымышта ла йәш була, акыллы алтыла ла баш була ‘глупый и в шестьдесят молод, умный и в шесть – голова’; акылһыз кеше дошманы менән дуҫ булыр, дуҫы менән дошман булыр ‘глупый будет дружить с врагом, враждовать с другом’. Соответственно необразованность воспринимается сродни физическому недостатку: белемһез кеше – һуқыр кеше ‘необразованный человек – слепой человек’. А недостаток ума может привести к появлению других негативных качеств: түземһез кешегә ни этмәй? – акыл этмәй ‘чего не хватает человеку нетерпеливому? – ума’.

Оппозиция «трудолюбивый – ленивый». Из самых лучших общечеловеческих качеств, прежде всего, пословица славит тру-

долюбие: *агас емеше менән, кеше эше менән* 'дерево красно плодами, человек – делами'; *һөнәрле кеше* – кораллы кеше 'человек с профессией – вооруженный человек'; *эшле кеше* – *косло кеше* 'человек с работой – сильный человек', *кеше нәҫеле менән оло булмаҫ, һөнәре менән оло булыр* 'человек велик не родней, а делами'; *кеше эштә һыналыр* 'человек испытывается в работе', *кешенең ниндәйлеге төстә түгел, эштә* 'человек красив трудом'. Бездельник трактуется как бесполезный, бессильный человек: *эшһез кеше* – *башһыз қазау* 'человек без дела – гвоздь без шляпки'; *эшһез кеше* – *көсһөз кеше* 'человек без дела – бессильный человек', *ырҙында илле кешегә эш табыла, тиле кешегә эш табылмай* 'на поле пятьдесят человек работу найдут, а дураку работы не хватит'; *эшлекһез кеше мактансыҡ булыр* 'бездельник – хваста'. Результат бездействия тоже плачевный – голод: *эшһез кеше* – *ашһыз кеше*.

Оппозиция «богатый – бедный». В оппозиции «богатый – бедный» в башкирских поговорках особенно четко обрисовывается понятие *бедный*: *ярлы кешенең аксаһын яман тауар боторор* 'деньги бедняка кончает плохой товар'; *ярлы кеше зарлы булыр* 'бедный человек живет в печали'; *ярлы кеше зарлы булыр, өй түбәһе карлы булыр* 'бедный человек живет в печали, крыша его будет в снегу'; *ярлы кеше* – *сирле кеше*, *сирле кеше* – *ярты кеше* 'бедный человек – больной человек, больной человек – получеловек', *ярлы кеше яманыр, яманыр за кыуаныр* 'бедный шьет заплатки и радуется им'. При этом выявляется двойное отношение к детям: *балалы кеше* – *бай кеше* 'человек с детьми – богач' и *ярлы кешенең балалы күп булыр* 'у бедняка детей бывает много'.

Оппозиция «имуций – неимуций». В башкирском языковом сознании имущим считается, в первую очередь, человек, владеющий скотом: *малһыз кеше һанһыз, малы кеше тупланда, малһыз кеше алпанда* 'человек без скота не уважаем'; для башкира-скотовода самым ценным видом скота являются лошади, по их количеству судили о состоятельности человека: *атһыз кеше* – *затһыз кеше* 'безлошадный человек – не ценный человек', *атһыз ир* – *кулһыз кеше* 'мужчина без лошади – человек без рук'.

К имущим слоям в дальнейшем относили земельных крестьян: *ерһез кеше – илһез кеше* 'человек без земли – человек без родного края', *ерле кеше еренә тартыр* 'человек, у которого есть земля / родная сторона, будет тянуть туда'.

Оппозиция «воспитанный – невоспитанный»: *азәле кеше – солтан, азәһеззәң бите – алтан* 'воспитанный человек – султан, невоспитанный – стелька'; *газәтһез кеше – азәһез кеше* 'человек без привычки – невоспитанный'.

Оппозиция «порядочный / приличный – непорядочный / неприличный»: *йүнле үзәнән күрер, йүнһез кешәнән күрер* 'порядочный будет обвинять себя, непорядочный – других'; *ахыры заман булганда, йүнһез кеше йүнлегә эш өйрәтер* 'в конце света непорядочный будет поучать порядочного'; *ахыры заман булганда, йүнһез кеше йүнлегә эш өйрәтер* 'в конце света непорядочный будет поучать порядочного'; *инле кеше иленән китмәз* 'порядочный человек не уйдет из страны'.

Оппозиция «активный / энергичный – неактивный / инертный»: *дәртһез кешәнән эш сыкмас* 'от инертного человека нет толку'; *дәртле кешенең аяк басыуы башка* 'у энергичного человека поступь другая'; *дәртһез кеше – күсәк, йәрһез кеше – ишәк* 'неэнергичный человек – дубина, человек без возлюбленного – осел'.

В башкирских паремиях представлено понятие *получеловек, полчеловека*. К таковым относятся: *телһез кеше – ярты кеше* 'человек без языка – получеловек', *ярлы кеше – сирле кеше, сирле кеше – ярты кеше* 'бедный человек – больной человек, больной человек – получеловек'; *ялкау кеше – ярты кеше* 'ленивый человек – полчеловека' в противовес *уңған кеше – ун кеше* 'трудолюбивый человек – десять человек' (ср.: в русской пословичной картине мира считается, что «холостой – полчеловека»).

Оппозиция «хороший – плохой». Данная оппозиция описывает идеал человека в башкирской пословичной картине мира. Ценностный компонент выделяется как центр концепта «человек». Пословицы признают, что люди бывают разные: *кеше менән кеше бер түгел: бар якшыһы, бар яманы* 'человек человеку

рознь: есть хорошие, есть плохие'. Ряд пословиц раскрывает именно оценочную характеристику человека. К безусловно положительным качествам индивида относятся: хороший, ровный характер (*якшы аттың йөрөшө тигез, якшы кешенең холко тигез* 'хорошая лошадь идет ровно, у хорошего человека характер ровный'; *якшы кеше ай менән көндәй: бар азамга берзай* 'хороший человек как луна и солнце: ко всем относится одинаково'), готовность помочь (*якшы кеше ярзамсыл* 'хороший человек готов помочь', *якшы кешене йомошоң төшкәндә белерһең* 'хорошего человека узнаешь, когда придет время просить его о чем-либо'), дружелюбие (*якшы кешенең дуся күп* 'у хорошего человека много друзей'), снисходительность (*кеше булһаң, кесе бул* 'если ты человек, будь снисходителен'; *кешегә түбәнселек ит, үзең түбәнһенмә* 'будь снисходительным к другим, сам не унижайся'); ответственность: *эшеңде кешегә тапшырма* 'не перепоручай свою работу другим', *кеше эше – ярты эш, үз эшең – бөтөн эш* 'чужая работа – полдела, своя работа – целое дело'; самостоятельность – неоспоримое положительное качество человека: *кеше акылы менән бай булғансы, үз акылың менән ярлы бул* 'чем быть богатым чужим умом, будь бедным своим умом'; *кеше акылын ишет, үз акылың менән эш ит* 'прислушивайся к чужому мнению, но поступай по-своему'.

Из отрицательных качеств порицается привередливость и излишняя требовательность: *кешегә ай менән кояш та ярамай* 'человеку не угодят даже луна с солнцем'; *кешегә сәсең менән ер һеперһаң дә ярамаһың* 'людям не угодишь, даже если будешь подметать волосами землю'; зависть: *яман кеше – көнсөл* 'плохой человек завистлив', *кеше кулындагы һөйәк зур күренер* 'кость в чужой руке кажется больше'; *кеше кулындагына нәфсеңде һүзма* 'не протягивай руки к чужому'; *кеше яккан утка кызынма* 'не протягивай руки к чужому огню'; *кеше бәхетенә конләшкән үз бәхетен дә югалткан* 'кто завидует чужому счастью потеряет и свое'; расточительность и неэкономность: *кеше малы мал түгел, атай малы йал түгел* 'чужое имущество – не имущество, скот отца не жалко'; порицается стремление вмешиваться в чужие дела: *ке-*



шөл эшең булмаһын, үз эшеңде үзең бел; высокомерие: кешеләрҙе күрмәгән – үз кәҙерен белмәгән 'кто не замечает людей – не узнает себе цену'; нерешительность, застенчивость: кыйыуһыз кеше аска үләр 'застенчивый умрет с голоду'.

Пословица предупреждает, что к человеку будут относиться так, как он сам относится к другим: кеше капкаһын какһаң аяк менән, үз капкаңды кағырҙар таяк менән 'постучишься в чужие ворота ногой – постучатся к тебе палкой'; үзеңә яҡшылыҡ теләһәң, кешегә яманлык кылма 'если хочешь себе хорошего, не делай людям плохого'.

Интересны поговорки-приметы, увязывающие внутренний мир человека с его внешностью и анатомией, строением тела: йөнлө кеше – йүнлө кеше 'волосатый человек – порядочный человек', һирәк тешлө кешенең ауызында һүз тормай 'в устах человека с редкими зубами слово не задерживается'. Учитывая тот факт, что в каждом языке складывается своя система координат, в том числе и взгляд на соотношение характер-внешность (в русской языковой картине мира считается, к примеру, что мелкие, острые, редкие зубы означают ехидство и хитрость, большие щели между зубами – слабоумие и безволие), наличие такого рода паремий очень показательно в плане выявления этнической специфики.

Таким образом, пословицы и поговорки составляют самобытную картину мира языка, определяющую восприятие мира носителями языка. Они отражают представления народа о мире и о себе, о взаимоотношениях с другими людьми и общественные отношения.

Концепт «человек» является в паремиологии ведущим и характеризует человека с самых различных сторон, выявляя физические достоинства, социальную востребованность, интеллектуальный уровень, морально-нравственный облик и т. д. настоящего человека. Каждая из этих характеристик раскрывает идеал, к которому стремится народ в своем понимании человека. Поэтому паремиологическая картина мира, будучи составной частью языковой картины мира, ведет к пониманию

высших ориентиров поведения, присущих определенной народной культуре.

### Литература

16. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 6. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 332 с.

17. Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. Т. IV: (Й, К хәрефтәре) / Ф. Г. Хисамитдинова редакцияһында. – Офё: Китап, 2012. – 944 б.

18. Башкорт теленең һүзлеге: 2 томда. Т. II / Ә. Ф. Бишев редакцияһында. – М.: Русский язык, 1993.

19. Древнетюркский словарь / Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с.

20. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.

21. Әхтәмов М. Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. – Офё: Китап, 2008. – 776 биг.

22. Сулаева Ж. А. Пословичная концептуализация мира в кумыкском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Махачкала, 2011. – 33 с.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Багаутдинова М. И.* – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН

*Дударева З. М.* – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет» в г. Стерлитамаке

*Каримова Р. Х.* – кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета

*Надршина Ф. А.* – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УНЦ РАН

*Хисамитдинова Ф. Г.* – доктор филологических наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы УНЦ РАН

*Хусаинова Г. Р.* – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УНЦ РАН

*Хусаинова Л. М.* – кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета

*Ягафарова Г. Н.* – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....	3
ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ (Ф. А. Надршина).....	4
КОНЦЕПТ «ГОСТЕПРИИМСТВО» В БАШКИРСКИХ ПАРЕМИЯХ (М. И. Багаутдинова).....	29
ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ВРЕМЯ» В БАШКИРСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ (З. М. Дударева).....	42
ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ТРУД» В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (Р. Х. Каримова).....	50
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (Ф. Г. Хисамитдинова).....	61
БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘ «УТ» КОНЦЕПТЫ (Л. М. Хәсәйенова).....	69
КОНЦЕПТ «ГОРА» В ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА БАШКИР (Г. Р. Хусаинова).....	80
О КОНЦЕПТЕ «ЧЕЛОВЕК» В БАШКИРСКИХ ПАРЕМИЯХ (Г. Н. Ягафарова).....	86
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	98

Научное издание

**ПОСЛОВИЧНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ  
ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ КАРТИНЫ МИРА  
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ  
(СБОРНИК СТАТЕЙ)**

Составитель: Г.Н. Ягафарова

Ответственный редактор: д.ф.н., профессор Ф.Г. Хисамитдинова

Редакторы: к.ф.н., с.н.с. М. И. Багаутдинова,  
к.ф.н., с.н.с. Г. Н. Ягафарова.

Компьютерный набор: Г.Н. Ягафарова.

Отпечатано на ризографе  
с готового оригинал-макета  
Подписано в печать 12.12.2013. Формат 60x84/16.  
Гарнитура Palatino Linotype. Тираж 300 экз.

